

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

УДК 93/94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-68-110

**ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ
ИНТЕР-СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ
КАВКАЗЕ: СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)****А.Х. БОРОВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Е.Г. МУРАТОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: lena_gm@mail.ru*

Ю.М. АЗИКОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: i.azikova@kbsu.ru*

Аннотация. Частью подготовительной работы к написанию обобщающей истории Кабардино-Балкарии является подведение итогов научного изучения ее ключевых проблем. Предлагаемая статья имеет целью обсуждение опыта концептуализации традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в общественной и научной мысли России и региона с конца XVIII и до начала XX в. За это время существенно изменились и контексты и тексты, в которых интерпретировалась соответствующая проблематика. В конце XVIII – начале XIX в. интерпретация системы интер-социальных взаимодействий в регионе была вписана в общую просветительно-географическую парадигму познания Кавказа. В первой половине XIX в. сложилась своего рода политико-этнографическая парадигма исследований региона, представленная обширной литературой. Во второй половине XIX – начале XX в. в условиях интеграции местных обществ в судебно-административную систему, экономическую жизнь и сословную структуру империи возникло своего рода локальное дискурсивное пространство, в котором обсуждение сословного и земельного вопроса оказалось тесно связано с интерпретацией природы интер-

социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Прямой или косвенный обмен оценками и суждениями шел между академическим социально-историческим подходом, правительственным реформизмом и просвещенными представителями местных элит. Рассмотренный в статье материал напоминает о важности историографической и методологической рефлексии для научно-исторического познания. В качестве фундаментальной для исторического изучения традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе выступает проблема совмещения категориального аппарата социально-исторического и этно-исторического подходов к проблеме. Существенную проблему представляет обобщение совокупности исторических данных о системе интер-социальных взаимосвязей в пространстве региона, равно как об их воспроизводстве и эволюции во времени. Представляется, что любая однозначная формула здесь будет нести элементы упрощения и субъективности. Эти вопросы требуют дальнейшей тщательной проработки на теоретико-методологическом уровне.

Ключевые слова: Россия; Центральный Кавказ; владения; общества; интер-социальные взаимодействия; концепции.

THE PROBLEMS OF CONCEPTUALIZING THE TRADITIONAL SYSTEM OF INTER-SOCIAL INTERACTIONS IN THE CENTRAL CAUCASUS: THE FORMATION OF A HISTORIOGRAPHICAL TRADITION (THE END OF 18TH – EARLY 20TH CENTURY)

A.Kh. BOROV

*FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

E.G. MURATOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173
E-mail: lens_gm@mail.ru*

Yu.M. AZIKOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173
E-mail: i.azikova@kbsu.ru*

Abstract. Part of the preparatory work for writing a generalizing history of Kabardino-Balkaria is the summing up of the scientific study of its key problems. This article is intended to discuss the experience of conceptualizing the traditional system of inter-social interactions in the Central Caucasus in the social and scientific thought of Russia and the region from the late 18th to the early 20th century. During this time, the contexts and texts in which the corresponding issues were interpreted have substantially changed. In the late 18th - early 19th century, the interpretation of the system of inter-social interactions in the region was included in the general geographical paradigm of cognition of the Caucasus informed by the enlightenment world vision. In the first half of the

19th century, a kind of political-ethnographic paradigm of regional studies emerged represented by extensive literature. In the second half of the 19th and early 20th centuries, in the context of the integration of local societies into the judicial and administrative system, economic life and the estate structure of the empire, a kind of local discursive space arose in which the discussion of the estate and land issues turned out to be closely connected with the interpretation of the nature of inter-social interactions on Central Caucasus. A direct or indirect exchange of assessments and judgments was between the academic socio-historical approach, government reformism and enlightened representatives of local elites. The material considered in the article recalls the importance of historiographical and methodological reflection for scientific and historical knowledge. The fundamental problem for the historical study of the traditional system of inter-social interactions in the Central Caucasus is the problem of combining the categorical apparatus of socio-historical and ethno-historical approaches to the problem. A significant problem is the generalization of the totality of historical data on the system of inter-social relationships in the region's space, as well as on their reproduction and evolution over time. It seems that any unambiguous formula here will carry elements of simplification and subjectivity. These issues require further careful study at the theoretical and methodological level.

Keywords: Russia; Central Caucasus; possessions; communities; inter-social interactions; conceptions.

Введение

Создание обобщающей академической истории Кабардино-Балкарии остается на повестке дня исторической науки республики. Разумеется, это масштабная задача, решение которой должно быть подготовлено выполнением конкретных исследований по широкому кругу проблем, относящихся к различным аспектам и периодам исторического развития. Но даже при наличии достаточного материала требуется предварительная проработка сложной проблемы методологического синтеза.

Специфика этой проблемы в случае Кабардино-Балкарии, как и некоторых других северокавказских республик, связана с полисубъектностью регионального исторического процесса. В обобщающей истории республики должен быть осуществлен синтез национальных историй ее народов.

Дополнительную трудность здесь создает выход проблемы на актуальную общественно-политическую ситуацию, в которой все еще большое место занимает проблематика межнациональных отношений. Но одновременно это делает ее решение еще более настоятельным. На основе представлений об истории Кабардино-Балкарии как механическом объединении сугубо самостоятельных, «параллельных» историй ее народов нельзя утвердить их республиканскую гражданскую идентичность. А в ее отсутствие разговоры об их общероссийской гражданской идентичности являются бессодержательными.

Таким образом, обобщающая история республики должна нести не только научно-познавательные, но и социальные функции. В традиции научной историографии и в новейших историко-теоретических работах присутствует тенденция разводить и противопоставлять эти функции историописания. Разрыв и параллельное существование научно-ориентированной и социально-ориентированной истории рассматривается как один из базовых признаков актуальной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации. Понятие

«социально-ориентированная история» говорит не о социальной обусловленности процесса познания, а о том, что в новой ситуации существует потребность в специальном конструировании исторического знания, которое направлено на удовлетворение потребностей социума и не базируется на исторической науке, хотя особым образом востребует ее фактологию [Маловичко, Румянцева 2013: 5, 8, 9].

Думается, что обобщающие академические труды не укладываются в эту дихотомическую схему. Все те конкретные результаты, на которых они базируются, должны носить строго научный характер, а их конструктивные социальные функции могут реализоваться через синтез и строго научное обобщение этих результатов. Для профессиональных историков нет никакой необходимости отступать от принципов объективности в политических интересах так же, как подчинять интересы современного общества отдельным элементам прошлого опыта.

Частью подготовительной работы к написанию обобщающей истории Кабардино-Балкарии является подведение итогов научного изучения ее ключевых проблем. Предлагаемая статья имеет целью начать обсуждение опыта концептуализации традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в общественной и научной мысли России и региона. Мы не обозначаем весь этот опыт понятием «историография проблемы», поскольку речь в ней идет не только о профессиональной научной историографии, но об определенном срезе того, что М.Е. Колесникова обозначила как «интеллектуальное кавказоведение» [Колесникова 2012]. Помимо прочего, это обусловлено тем, что для нас важно принимать во внимание социальные установки авторов рассматриваемых текстов и их взаимодействие с собственно историческими концепциями. А в выборе конкретного предмета данной статьи мы опирались на обоснованную ею же, характеристику второй половины XVIII – начала XX в. как периода становления северокавказской историографической традиции [Колесникова 2011].

Академические экспедиции конца XVIII – начала XIX в.: открытие социально-политической географии Центрального Кавказа

Исследователи истории отечественного кавказоведения отмечают, что обзоры путешествий, совершенных во второй половине XVIII – первой половине XIX в. на Северный Кавказ, такими учеными как С.-Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт, П.С. Паллас, Я. Рейнеггс, Я. Потоцкий, Г.-Ю. Клапрот, заложили основы интеллектуального кавказоведения, явились началом складывания северокавказской историографической традиции [Колесникова 2012].

На наш взгляд, историографическая актуальность материалов первых академических экспедиций на Кавказ обусловлена как раз их пионерским характером. Программа исследований была сформулирована максимально широко и всесторонне. Речь шла о том, чтобы предоставить просвещенному европеизированному сознанию и просвещенной Российской монархии систему

рациональных знаний о новой для них стране. Таков труд И.А. Гильденштедта (1744-1774), познавательный интерес которого не был ограничен рамками научной традиции (которая еще не сложилась) и не был зашорен нацеленностью на решение какой-то конкретной научной проблемы. Тем самым представление системы интер-социальных взаимодействий на Северном Кавказе у И.А. Гильденштедта приобретает широту и фундаментальность, которые были в известной степени утрачены в последующей историографической традиции.

Прежде всего, картина кавказского мира, представшая глазам русско-европейского исследователя, была чрезвычайно пестрой в этническом и социально-политическом плане. И.А. Гильденштедт отмечал, что в Кавказских горах «находится большое число меньших и больших остатков народов и их скопищ», они «обитают в почти бесчисленном количестве округов и уездов, которые частью друг с другом имеют отношения, частью полностью [живут] сами по себе, и обитатели их говорят на чрезвычайно различных языках, являются то подданными деспотов, то без начальства и состоят только [под властью] выбранных ими самими старейшин, не знают ни законов, ни послушания» [Гильденштедт 2002: 223]. Уже здесь обозначена общая предпосылка высокого удельного веса и значимости интер-социальных взаимодействий в регионе: сама дробность этно-социального пространства делала их неизбежными, а «разноуровневость» социально-потестарных систем предопределяла их асимметричный характер.

С этой точки зрения прямое отношение к анализу интер-социальных связей имеет предпринятая И.А. Гильденштедтом попытка определенным образом упорядочить пестрое разнообразие языковых, социальных и территориальных общностей региона. Таксономия различных общностей, которую И.А. Гильденштедт построил путем сравнения «образцов языка», «государственных устройств», «исторических обстоятельств», «физического сходства» и т.д. выглядит следующим образом: различные диалекты сводятся к немногим языкам; многочисленные народы составляют немногие нации; множество уездов и округов образуют немногие провинции [Гильденштедт 2002: 223]. Таким образом, он выделил на Северном Кавказе укрупненные «провинции», соответствовавшие областям расселения карачаево-балкарцев (Басиания), адыгов (Черкесия), осетин (Осетия), вайнахов (Кистия), дагестанских народов (Лезгистан).

Здесь важно обратить внимание на то, что у И.А. Гильденштедта «нация» – не более чем культурно-лингвистическая общность, а «провинция» – совокупность расположенных рядом округов и уездов. Они не образуют социально-территориальных или территориально-политических целостностей. «Понятие о провинции и народе будет определено, если к этой нации причислить все те округа, которые похожи по внешнему виду, государственному устройству и обычаям и особенно в языке, несмотря на то, держатся ли [эти провинции и народы] вместе или признают различную верховную власть» [Гильденштедт 2002: 239].

Описывая какую-либо из названных «провинций», И.А. Гильденштедт

может просто перечислить входящие в нее округа, никак не характеризуя «внутренние» для нее связи социально-территориальных единиц. Так, о различных «округах» провинции Басиана он замечает только, что они «говорят на мало отличающихся друг от друга диалектах упомянутого ногайско-татарского [языка]» [Гильденштедт 2002: 224]. Жители провинции Осетия «делят свою страну и себя на различные уезды», над некоторыми из них владеют кабардинские князья, но и те из них, которые более или менее независимы «не только не держатся вместе между собой, но живут партиями в открытой вражде, осложняют свою суровую жизнь и сами себе устраивают ссоры» [Гильденштедт 2002: 235]. «В Черкесии нет общего собственно правителя, и между ее округами нет регулярных отношений, хотя государственное устройство страны является республиканским. Князья между собою воюют и подчиняют [один другого] и часто объявляют себя [сторонниками] совершенно противоположных партий» [Гильденштедт 2002: 228]. И.А. Гильденштедт дает «множеству уездов или округов..., которые располагаются в значительной части главных гор около Сунджи», название «Кистия или Кистетия», но оговаривает: «Жители этих округов, правда, не уживаются между собой, частью [состоят] в открытой вражде и еле удерживаются вместе те, которые живут на одной реке» [Гильденштедт 2002: 238]. Иными словами, и «внутри» выделенных И.А. Гильденштедтом северокавказских «провинций», имеют место интер-социальные взаимодействия, сторонами которых выступают социально-территориальные единицы, а не сословия или классы. Такие взаимодействия могут характеризоваться, с одной стороны, низкой интенсивностью, а с другой – конфликтностью. В то же время для тех или иных социально-территориальных единиц («округов»), отнесенных к данной «провинции», могут оказаться более значимыми отношения с «округами» или владельцами, отнесенными к другим «провинциям».

И.А. Гильденштедт фиксирует наличие внешних связей и у басиан (балкарцев), и у осетин, и у кистинцев (прежде всего, ингушских обществ). И каждый раз речь идет о «различных округах», «некоторых», «части» уездов или округов, а не обо всей этнической общности. Другой стороной интер-социальных взаимодействий у него выступают «правители Грузии», «кабардинские князья», «аксайские князья», «это государство» – то есть Россия. Характер их отношений с горскими обществами выражается словами «подданные», «подвластные», «подчинение», «владечество», «покровительство» [Гильденштедт 2002: 225, 235, 238]. И.А. Гильденштедт полагает, что в прежние времена все эти общества были подвластны Грузии, а впоследствии, ввиду внутренних раздоров и ослабления Грузии, освободились, но некоторые оказались под властью уже кабардинских и аксайских (кумыкских) владельцев. Вообще, в качестве естественного основания для конфигураций, которые принимают интер-социальные взаимодействия, для него выступает сила. Подобно тому, как ослабевшая Грузия естественным образом лишилась своего доминирования над горцами Северного Кавказа, теперь для них столь же естественно искать покровительства нового

могущественного соседа – России. «Они находились в прежнее время под покровительством кабардинского и алкайского [аксайского – авт.] князей», пишет И.А. Гильденштедт об «ингушцах» – но теперь «они переменяли этих незначительных покровителей на покровительство России» [Гильденштедт 2002: 240].

Наиболее полное представление факторов и содержания интерсоциальных взаимодействий на Центральном Кавказе дает характеристика И.А. Гильденштедтом отношений балкарских обществ с кабардинскими князьями: «Все басыанцы, вероятно, были подданными правителей Грузии... Сейчас у них нет ничего общего с грузинскими правителями, так как последние частью бессильны, частью потому, что их страна лежит между высоких диких снежных гор и у округа Сванети. ... Но тем более басыани имеют дело с кабардинцами, потому что различные басыанские округа платят подать различным кабардинским князьям; обычно одна семья ежегодно отдает одну овцу. Кабардинцы более могущественны, и басыанцы гонят скот зимой в кабардинское владение, и уже поэтому они должны подчиняться» [Гильденштедт 2002: 225]. Здесь в равной степени важны и «могущество» кабардинских князей, и постоянная необходимость гонять зимой скот «в кабардинское владение», и естественная защищенность басыанских жилищ «высокими дикими снежными горами». Не остался незамеченным И.А. Гильденштедтом особый статус владельцев Черекского ущелья, т.е. округа, называемого «Малкар – по-басыански; Балкар – по-черкесски; собственно Басыани – по-грузински». «Фамилия Басыат в округе считается княжеской и также признается черкесами за таковую, – свидетельствует И.А. Гильденштедт. – От нее, вероятно, грузины принимают название Басыана для всей страны» [Гильденштедт 2002: 224].

В целом, возникавший в материалах И.А. Гильденштедта культурно-исторический образ Кавказа представлял собой его отражение в зеркале европеизированного просвещенного сознания. При этом полагалось, что именно рациональное европейское сознание может преодолеть познавательные трудности и дать народам Кавказа истинное знание о них самих, поскольку «невежество, частью дикость самих народов и незначительность многих из них сохранили их в такой темноте, что о старине знали мало и еще меньше что-то достоверное, и многие почти не знали своего названия, которое также еще было искажено» [Гильденштедт 2002: 223]. Эта установка на географическое описание Кавказа с просветительских позиций сохранила свое влияние в российском кавказоведении практически до конца имперской эпохи, а в конце XVIII в. она доминировала. Ею отмечено «Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа» врача и авантюриста Якоба Рейнеггса, ставшего в 1781-1783 гг. «комиссионером» Г.А. Потемкина при Картли-Кахетинском царе Ираклии II и Имеретинском царе Соломоне I [Рейнеггс 1974]. Она присутствует и в описании «Путешествия по Астраханским степям и по Кавказу» просвещенного европейского аристократа Я. Потоцкого, находившего, что труд Я. Рейнеггса грешит многими неточностями [Потоцкий 1974]. В академическом русле, но все более сближавшемся с интересами

имперской политики в регионе, просветительско-географическая традиция была продолжена П.-С. Палласом и Г.-Ю. Клапротом.

Академик Петр Симон Паллас (1741-1811), который был одним из руководителей большой академической экспедиции 1768-1774 гг. и подготовил к изданию работы И.-А. Гильденштедта, С.Г. Гмелина, Л.Л. Штедера, совершил в 1793-1794 гг. путешествие по южным провинциям России, включая Северный Кавказ. Описание этого путешествия было издано на немецком языке в Лейпциге (1799 г.).

П.С. Паллас провел около месяца именно на Центральном Кавказе и его «Описание народов Кавказа» охватывает абазин (тапанта и башильбай), ногайцев, осетинские, балкарские, вайнахские общества и, как оговаривает сам П.С. Паллас, «особенно черкесов», из которых наибольшее внимание уделено кабардинцам [Pallas 1799: 363-424].

Вслед за И.А. Гильденштедтом он считал необходимым внести определенный порядок в представление о многочисленных горских народах, говорящих на разных языках. П.С. Паллас принимал народоведческую классификацию и политическую географию Северного Кавказа, разработанную И.А. Гильденштедтом, но считал, что последний был не всегда точен в описании обычаев и нравов тех или иных народов [Pallas 1799: 363-364]. Те уточнения, которые П.С. Паллас собирался внести или внес в описания И.А. Гильденштедта не входят в предмет настоящей статьи, но в концептуальном плане он заметно изменил представление системы интерсоциальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Суть этих изменений – в акцентировании исторического измерения, охватывающего ее генезис, актуальное состояние и направление ее желательной трансформации.

Ответ на вопрос о возникновении наблюдаемого на Центральном Кавказе социально-политического порядка связан с характеристикой черкесов как «воинственной народности», которая населяет предгорья и «прекрасную равнину», «прежних обитателей которой она изгнала или большей частью подчинила». Отождествляя «народ» с княжеско-дворянским сословием, П.С. Паллас пишет, что это «род рыцарей (eine Art von Rittern), которые соблюдают «подлинную феодальную систему» (vollkommenes Feodalsystem) в отношениях между собой и к своим подданным, подобную той, которую немецкое рыцарство ввело прежде в Пруссии и Лифляндии, с еще большей строгостью и бесчеловечностью [Pallas 1799: 373]. Это сравнение не подвергалось в литературе специальному анализу, но очевидны два его аспекта. Аналогия проводится как между иерархически организованными воинскими корпорациями, так и их политическим практиками, направленными на подчинение земель и народов. Что касается «большей строгости и бесчеловечности» черкесской феодальной системы, то в тексте П.С. Палласа она никак не обосновывается, а скорее опровергается последующим суждением о «мягком обращении» черкесских «господ» со своими подданными, что позволяет, по его же словам, «с меньшей суровостью судить об аристократическом строе этой храброй народности рыцарей» [Pallas 1799: 373].

И внутренние для аристократических адыгских (черкесских) обществ социальные отношения и характер их отношений с другими горскими обществами определяются, по смыслу суждений П.С. Палласа, образом жизни черкесской феодальной аристократии. «Князья и рыцари, – пишет он, – не имеют никаких других занятий кроме войны, грабежей и охоты» [Pallas 1799: 383]. Уздени или рыцари держат народ в повиновении и обязаны князьям только службой во время войны. В описание повинностей, которые несут в пользу аристократии «подданные или крестьяне» П.С. Паллас включает и обязанности других горских обществ: «Одни только горские народы, которые должны платить дань черкесским князьям, например, абазины, осетины, дугоры, базиане, балкарцы, карачаи и карабулаки, дают из каждой семьи обычно овцу или ее стоимость войлоком, буркой, полотном, медной посудой и тому подобное. Каждый, у кого есть овцы, будь то отара большая или маленькая, дает летом князю овцу, чтобы князь мог постоянно держать открытый стол» [Pallas 1799: 384-385].

Эта общая констатация конкретизируется и получает дополнительные измерения в характеристике отношений кабардинских князей с абазинскими и балкарскими обществами.

О Малой Абазе, «называемой Алтыкесек», П.С. Паллас замечает, что у них «нет князей, а только старейшины племен, и кабардинцы рассматривают их как своих подданных». Они были бы по-своему богаты, если бы не постоянные притеснения со стороны черкесских князей при том, что «[п]раво кабардинцев на этот народ основано на узурпации» [Pallas 1799: 365-366]. При генерале Фабрициане абазины стали независимы, но при последующих более мягких русских командующих снова попали «под кабардинское иго» (unter das Kabardinische Joch) [Pallas 1799: 366].

Применительно к балкарцам, живущим главным образом «по Черему высоко в горах», П.С. Паллас указывает, что за выпас скота на равнинных пастбищах они должны платить дань черкесам, которые рассматривают их «как подданных» [Pallas 1799: 408]. И снова П.С. Паллас подчеркивает, что балкарцы «ищут способа прийти под русское покровительство, чему черкесы всеми силами стараются препятствовать и поэтому никого не пропускают на Линию. В 1783 г. несколько базиан, посланных искать этого покровительства, пробились окольными путями к подполковнику Штедеру. Но возвратились они лишь с голыми обещаниями» [Pallas 1799: 408-409]. П.С. Паллас иллюстрирует остроту проблемы ситуацией, свидетелем которой он был сам, находясь в русском лагере на Баксане. Чтобы не допустить установления связи русского отряда с балкарцами Черекского ущелья кабардинцы объявили о появлении там эпидемии чумы. «Под этим предлогом они заняли узкие проходы, которые ведут туда, и грозили расстрелять каждого, кто намеревался пересечь Кабарду, чтобы отрезать балкарцев от связи с нами» [Pallas 1799: 410].

Таким образом, выстраивается законченная историческая концепция, логическое ядро которой образует представление о неустойчивом, преходящем характере системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, построенной на отношениях зависимости горских социально-территориальных

образований от кабардинских князей. Это представление задает оценочные характеристики генезиса и перспектив наблюдаемого социально-политического порядка в субрегионе. «Воинственный народ», предводительствуемый военно-рыцарским сословием, некогда занял благодатные предгорные и равнинные территории Центрального Кавказа, вытеснив и подчинив себе прежних жителей. Его господствующее положение основано на узурпации и противоречит жизненным интересам горских обществ. Перспектива их освобождения от этой зависимости связана с установлением российского контроля в регионе. Горцы стремятся под покровительство России, а кабардинские владельцы всячески этому препятствуют, не желая отказаться от своей свободы и своих прав на окрестные «народы». Благоприятный для России момент состоит в том, что соперничество кабардинских князей между собой делает их менее опасными противниками, а правильная политика для России заключается в том, чтобы постараться сделать из черкесов своих добрых подданных и поставить себе на службу их воинскую доблесть, ибо «их легкая кавалерия могла бы составить наиболее устрашающий корпус войск, который когда-либо появлялся на полях сражений» [Pallas 1799: 373].

Новый политический контекст академического изучения Центрального Кавказа, связанный с началом решения практических вопросов установления имперского контроля в регионе, который России предстояло интегрировать и «цивилизовать», отразился и в материалах путешествия по Кавказу в 1807 и 1808 гг. академика Генриха-Юлиуса Клапрота (1783-1835). Характерно содержание одного из пунктов программы его исследований, предложенного Я. Потоцким: «Осетины являются, вероятно, наиболее легко поддающимся цивилизации народом Кавказа, и путешественнику следует изучить их с этой точки зрения; необходимо установить, что до сих пор задерживало их развитие и что надо сделать для ускорения приобщения их к цивилизации. ... Я снова повторяю, что любопытное всегда должно уступать место полезному и основной целью должно быть лучшее ознакомление с Кавказом» [Осетины глазами... 1967: 106].

В общих чертах Г.-Ю. Клапрот воспроизводит концепцию П.С. Палласа, но в ряде деталей отражает реальность интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, которая оказывается сложнее, чем это представлял П.С. Паллас.

Специфику традиционного социально-политического порядка в регионе и у него также задает социальный «габитус» кабардинских князей – «ленных владельцев относительно дворян», глубоко убежденных в своем прирожденном особом статусе. Г.-Ю. Клапрот указывает, что «ни у одного народа не простирается так далеко гордость благородства, как у Черкесов», предпочитающих всему на свете свой образ жизни, состоящий в «войне, звериной охоте и воровстве, и те, которые у них отличаются в сих занятиях, пользуются особливим уважением» [Извлечение... 1812: 17, 24, 27, 43]. К 1807-1808 гг. князей стало гораздо меньше вследствие эпидемии чумы, «которая сделала между народом великое опустошение», а военное присутствие России ограничивает их своеволие. Но их традиционные представления и социальные

установки сохраняют свою прочность. «Прежде власть Черкесских Князей простиралась еще на Осетинцов, Чеченцов, Абассов, и на Татарские племена, обитающие в горах при верховьях Чегема, Баксана, Малки и Кубани; но по занятии сих стран Русскими, они потеряли прежнюю свою силу, хотя до ныне еще почитают себя повелителями сих народов», – свидетельствует Г.-Ю. Клапрот [Извлечение... 1812: 18].

Однако воспроизводство «асимметричных» интер-социальных связей поддерживается не только консерватизмом и волей кабардинских князей. В материалах Г.-Ю. Клапрота присутствуют указания еще на три обстоятельства, которые также играют здесь свою роль. Во-первых, это сама давность установления отношений зависимости, в результате чего и чрезмерные, выходящие за рамки обычая притязания кабардинских князей, и отказ от уплаты «старинной подати» выступают как нарушение традиционного порядка и порождают конфликты [Осетины глазами... 1967: 156; Клапрот 1974: 257]. Во-вторых, взаимовыгодный характер интер-социального взаимодействия в определенных отношениях. Это может быть хозяйственная взаимозависимость (Г.-Ю. Клапрот показывает это на примере отношений кабардинцев и дигорцев) или потребность в покровительстве и защите (как в случае отношений карачаевцев и кабардинцев) [Осетины глазами... 1967: 156; Клапрот 1974: 247]. Наконец, новые основания для интер-социальной «сцепки» горских обществ и кабардинских владельцев возникали в связи с перемещением горцев в предгорья и на равнину. Г.-Ю. Клапрот приводит пример нескольких осетинских селений на Урсдоне, Урухе и Лескене, которые были основаны на землях Мало-Кабардинских владельцев: «Поскольку эти фамилии дигорцев населяют и обрабатывают землю черкесов, они рассматривают себя вместе со всем народом вассалами фамилии Тау-Султанов, которым они платят дань... Тау-Султаны посылали даже воспитывать своих детей в Истир-Дугор, и эта мера значительно укрепила их взаимную связь, так как князь становился, так сказать, членом народа и знал язык страны» [Осетины глазами... 1967: 155-156]. В оценку политической реальности, связанной с продвижением России им привносится важная оговорка: «Продвижение русских до Кубани и верховьев Терека очень ослабило черкесов, что позволило осетинам, обитающим к северу от гор, использовать подходящие обстоятельства и освободиться от подданства черкесам всякий раз, когда их интересы не требовали этого подчинения» [Осетины глазами... 1967: 155]. Иными словами, это «подданство» не всегда противоречило интересам самих горцев.

Таким образом, основная линия эволюции просветительско-географического подхода в кавказоведческих штудиях от И.А. Гильденштедта к П.С. Палласу и Г.-Ю. Клапроту заключалась в возрастании влияния на оценки и суждения по проблеме интер-социальных взаимодействий в регионе политических и военно-административных задач, решаемых имперской властью. Если И.А. Гильденштедт обосновывал важность историко-этнографического изучения народов Кавказа просто тем, что «Россия имеет отношения с этими народами в течение трех столетий», то для П.С. Палласа географическое пространство региона уже структурировано пограничной

Кавказской линией, на которой создаются колонии и которую надо защищать от «вторжений горских народов» [Гильденштедт 2002: 223; Pallas 1799: 298-299]. Г.-Ю. Клапрот прямо фиксирует места, где можно ставить посты, чтобы «сдерживать жителей гор, кабардинцев и чеченцев» и думает о том, какими мерами более эффективно можно удержать в повиновении кабардинских князей [Извлечение... 1812: 23-24].

Некоторая «политизация» просветительско-географической парадигмы имела еще одно существенное последствие. В документальных источниках XVIII в. по социально-политическим взаимоотношениям на Центральном Кавказе сплошь и рядом фигурируют конкретные княжеские фамилии и имена. И.А. Гильденштедт, кажется, только один раз использует для представления сторон интер-социальных взаимодействий этнонимическую номенклатуру – «басиани имеют дело с кабардинцами», но тут же уточняет – «потому что различные басианские округа платят подать различным кабардинским князьям» [Гильденштедт 2002: 225]. П.С. Паллас уже не так заботится об уточнении, когда говорит о «народах» Малой Абазы, что «кабардинцы рассматривают их как своих подданных» или о том, что «право кабардинцев на этот народ» основано на узурпации [Pallas 1799: 365-366]. А для Г.-Ю. Клапрота является правилом ограничиваться указанием на этническую принадлежность сторон интер-социальных взаимодействий [Осетины глазами... 1967: 157; Клапрот 1974: 238, 239, 245]. Можно предположить, что такой сдвиг в сторону оперирования укрупненными этнонимическими категориями был обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, в начале 1790-х гг. завершилось формирование Кавказской укрепленной линии и она стала главным структурирующим элементом политической географии Северного Кавказа. В глазах командования и офицеров, служащих на линии, гораздо важнее были отношения с теми или иными «залинейными народами», чем детали их интер-социальных взаимодействий между собой. Линия во многом определяла маршруты передвижений П.С. Палласа и Г.-Ю. Клапрота по Центральному Кавказу, а общение с военными чинами на линии не могло не повлиять на восприятие ими этносоциального ландшафта региона. Во-вторых, за три с лишним десятилетия после 1774 г. произошло кардинальное ослабление социально-политических позиций в регионе кабардинского княжеского сословия, выступавшего формирующей силой традиционного интер-социального порядка на Центральном Кавказе. Многие элементы этого порядка уходили в историю.

«Народоведение» Центрального Кавказа в контексте имперской политики покорения региона

Указанные выше обстоятельства на десятилетия вперед определили характер изучения Кавказа в России – «завоевание Кавказа Россией шло вместе со становлением российского кавказоведения». Запросы военной и административной политики государства служили важнейшим стимулом для этого, и в 1840-е гг., когда Кавказская война была еще в самом разгаре, «высшие российские власти пытались как можно точнее уяснить себе характер

местного права и общества у новых мусульманских подданных Империи на Кавказе» [Бобровников 2002: 147-148]. Наряду с географией Кавказа военных авторов первой половины XIX в. все больше интересует этнография народов региона. Политико-этнографическая парадигма кавказоведческих штудий представлена обширной литературой, но непосредственно интересующий нас предмет нашел в ней весьма неравномерное отражение. С достаточной полнотой, оставляющей место для анализа эмпирических и концептуальных аспектов проблемы, он присутствует в сводных работах, прежде всего, у С.М. Броневского и И.Ф. Бларамберга.

Работа С.М. Броневского, создававшаяся в 1804-1810 гг., носит переходный характер от просветительско-географической к политико-этнографической парадигме познания Кавказа. С.М. Броневский широко опирается на труды И.А. Гильденштедта, С.Г. Гмелина, П.С. Палласа, говорит о своих ожиданиях от публикации материалов путешествия Г.-Ю. Клапрота, помещает свою работу в рамки географической парадигмы, обнимающей географию «историческую, политическую, гражданскую и естественную» и направленную на конечный результат построения «Систематической Географии Кавказа» [Броневский 1823а: VIII, XIII, XXVI]. Но наряду с этим он указывает на военно-политическую значимость знаний о географии Кавказа, которые «казались быть в наши времена наипаче нужными для Русских Офицеров, в том краю служащих», и замечает, что «успехи Географии медленны и неразлучны с успехами оружия» [Броневский 1823а: IX, 9].

Проблематика интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе занимает достаточно скромное место в обзорных историко-этнографических трудах первой половины XIX в. и новые, по сравнению с предшествующей литературой, конкретные свидетельства и факты встречаются крайне редко. С.М. Броневский сообщает о абазинах тапанта: «Сие колено Абазинцев, стесненное в прежних своих жилищах от междоусобных несогласий, перешло на северную сторону гор в нынешнее местопребывание в исходе 17-го столетия, с согласия Кабардинцев, отступивших далее на восток к Баксану и Тереку, и с того времени находится в зависимости Кабардинских Князей. По временам перешедшие на правую сторону Кубани некоторые отделения сих родов состоят в Российском подданстве под властью Князей Большой Кабарды. Прочие, оставшиеся по сю сторону Кубани, стараются освободить себя от сей зависимости; да и все вообще Абазинцы шестиродные неохотно признают над собой власть Кабардинцев, которые домогаются утвердить прежнее право свое над ними, равно как и некоторые Закубанские Князья, отчего нередко случаются у них распри, а между тем Абазинцы ищут убежища то на одной, то на другой стороне Кубани» [Броневский 1823а: 331, 332-333]. Этот весьма информативный отрывок говорит и о причинах передвижения «Малой Абазы» на северный склон Кавказского хребта, и об основаниях установления их зависимости от кабардинских князей, и о напряженном характере их отношений, и о влиянии пограничного положения верховьев Кубани на социально-политические взаимоотношения местных

владений и обществ.

С.М. Броневский включает также в описание ингушских обществ характеристику их отношений с кабардинскими князьями, основанную на материалах разбирательства генералом де Медемом в 1873 г. «взаимных притязаний между Кабардинцами и Ингушами», после принятия последними в 1870 г. присяги на российское подданство. Речь идет о том, что «Аксаевские и Кабардинские князья издревле стараются утвердить над Ингушами временные права завоевания наложением даней и требованием всегдашнего от них покорства», а «Ингушевские Старшины», со своей стороны, признавая, что «временно они и платили подать Кабардинцам», но «подвластными им никогда себя не признавали, а тем паче не признают себя с того времени, как они поступили в Российское подданство...» [Броневский 1823b: 164-165].

И.Ф. Бларамберг затрагивает несколько больше конкретных сюжетов из области интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, хотя в большинстве случаев использует материалы П.С. Палласа, Г.-Ю. Клапрота и того же С.М. Броневского.

Так, говоря об абазинах тапанта, он суммирует сведения и суждения П.С. Палласа и С.М. Броневского. То, что абазины «были покорными князьям Кабарды», объясняется тем, что когда «это племя» покинуло свою бывшую территорию в конце XVII в. и перешло на северный склон Кавказа, кабардинцы уступили ему землю, которую оно теперь занимает, но при этом установили над ним свое господство [Бларамберг 1999: 285, 288]. В хозяйственно-экономическом плане подчеркивается, что абазины «смогли бы разбогатеть, если бы черкесы не отнимали у них все, что они зарабатывают». В социально-политическом плане отмечается феодально-иерархическое оформление отношений: кабардинские князья признают абазинских князей «равными кабардинским узденям», причем этого различия «не существовало до тех пор, пока они не подчинились черкесам». Фиксируются изменения в отношениях кабардинских и абазинских владельцев, связанные с установлением военно-политического контроля России над Центральным Кавказом. По оценке И.Ф. Бларамберга, если почти весь абазинский народ «раньше подчинялся черкесам», то теперь русские войска держат черкесов в страхе и те «стали меньше тревожить абазин», хотя «еще и сегодня высокомерно относятся к ним» [Бларамберг 1999: 288].

Кабардино-осетинские отношения И.Ф. Бларамберг с опорой на Г.-Ю. Клапрота интерпретирует в широком контексте этнополитической истории региона. Он предполагает, что высокогорные долины Кавказа, так же как и Кабарда, были заселены осетинами еще с давних времен, потом они были изгнаны с территории предгорий черкесами, которые заняли обе Кабарды»; «[о]бъединение черкесских князей постепенно усилилось, и осетины стали их данниками». Продвижение в регион России «значительно ослабило черкесские племена, и осетины, живущие на северном склоне Кавказа, воспользовались этим обстоятельством и стали независимыми от черкесов» [Бларамберг 1999: 224-226]. Близко к сведениям Г.-Ю. Клапрота стоит также его характеристика карачаевцев, о которых он говорит, что «они относятся к числу наиболее

цивилизированных народов Кавказа», оказывающих «цивилизующее влияние на своих соседей». Но одновременно, согласно И.Ф. Бларамбергу, «[о]ни выказывают исключительное смирение и уважение к своим владыкам – князьям Кабарды», которым они «обязаны платить дань» и «которых они считают, всех без исключения своими сюзеренами» [Бларамберг 1999: 312, 313]. Что касается ингушских обществ, И.Ф. Бларамберг практически ничего не добавляет к материалам С.М. Броневского, говоря о том, что аксайские и кабардинские князья «еще с давних времен пытаются присвоить себе право повелевать ингушами и требуют от них ежегодной дани» и излагая сюжет о взаимных притязаниях ингушских старшин и кабардинских князей, ставших в 1773 г. предметом разбирательства тогдашнего командующего на линии генерала де Медема [Бларамберг 1999: 346].

Относительно балкарских обществ («бассиан») И.Ф. Бларамберг высказывает суждение о том, что обретя свободу от грузинского господства, когда Грузия была завоевана монголами, «позже они попали в зависимость от кабардинцев и оставались в этом положении до самого последнего времени» [Бларамберг 1999: 320-321]. В качестве общего фактора, обусловившего эту зависимость, он указывает и для балкарского и для чегемского общества потребность в использовании зимних пастбищ и в коммуникациях с внешним миром через территорию Кабарды. Вместе с тем, относительно чегемцев вслед за Г.-Ю. Клапротом он отмечает в общем виде, что «все они зависят от князей Кабарды, которые время от времени требуют уплаты старинной дани, в чем чегемы часто им отказывают, защищая свои интересы с оружием в руках» [Бларамберг 1999: 322-323].

Фиксация набора конкретных «кейсов» по интер-социальным взаимодействиям на Центральном Кавказе у С.М. Броневского и И.Ф. Бларамберга приобретает концептуальную глубину, если соотнести их с некоторыми общими характеристиками традиционного социально-политического порядка в регионе.

Прежде всего, они отмечают универсальное для всех местных обществ значение силы и насилия как регулятора взаимных отношений. С.М. Броневский замечает, что трудно найти на земном шаре народы, «кои бы с большим упорством защищали себя и посягали на своих соседей, как жители Кавказских гор», «все без изъятия ведут войну с своими соседями: Черкесы с Абхазами, Кабардинцы с Осетинцами и Чеченцами; Осетинцы с Кистами; Чеченцы почти со всеми окружающими их коленами; Лезгинцы с Грузией и Ширваном» [Броневский 1823а: 34]. И все же на этом фоне войны как «образа жизни сих народов» он выделяет «племена», которые, «не довольствуясь краткими набегами», приобрели «славу завоевателей, как-то Кабардинцы и Лезгинцы» [Броневский 1823а: 34]. И.Ф. Бларамберг повторяет суждения о том, что «[в]се эти народы имеют большую склонность к войне» и о том, что кабардинцы и лезгины «не ограничились разбоем или кратковременными вторжениями к своим соседям, но стали завоевателями» [Бларамберг 1999: 40, 41].

Вопрос о природе регулярных набегов на Восточную Грузию, практиковавшихся на протяжении XVI-XVIII вв. дагестанскими вольными

обществами и владельцами, не входит в предмет настоящей работы. Что же касается кабардинцев, то их характеристика как «завоевателей» у С.М. Броневского неотделима от характеристики социального статуса и военно-феодальных социальных практик княжеского сословия Кабарды. «Владельцы Большой Кабарды, – отмечает он, – издревле присваивают себе некоторые преимущества над Малою Кабардою, которая по малосилию своему нередко претерпевает от них притеснения; таковым же притязаниям подвержены и прочие их соседи, как-то: *Ингуши, Осетинцы, Дугорцы, Балкарцы, Абазинцы, Бесленейцы*, из коих иные платят им дань, и все опасаются их неприязни. И хотя Князья Большой Кабарды гораздо обессилели против прежнего от истребительных следствий войны, каковую они не преставали возжигать по всему Кавказу, однако они почитают себя по рождению и по делам своим первыми рыцарями не только между Черкесами, но и между всеми Кавказскими народами. В самом деле нельзя отрицать сего первенства, Кабардинским чванством увеличенного» [Броневский 1823b: 88-89]. То же самое с небольшими вариациями повторяет и И.Ф. Бларамберг [Бларамберг 1999: 205].

В литературе этот фрагмент цитируется либо как одно из свидетельств «политического господства Кабарды» над горцами Центрального Кавказа, либо как сконструированное русскими исследователями и офицерами (и подчиненное целям создания плацдарма для завоевания Кавказа) представление о том, что недостижимые на тот момент русскому правительству горские народы подвластны пророссийской Кабарде [Кожев 2016: 75, 76; Кипкеева 2006: 16]. Представляется, что приведенные суждения заслуживают более детального анализа, который не сводил бы их содержание к простой констатации асимметричности интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе и не был бы подчинен задачам, выходящим за рамки того, что было предметом изучения для С.М. Броневского или И.Ф. Бларамберга. С этой точки зрения важно выделить несколько моментов в представлении ими феодальной системы у кабардинцев.

Во-первых, несколько расширяется и конкретизируется идущее от П.С. Палласа ее сравнение с немецким рыцарским порядком в Пруссии и Лифляндии. С.М. Броневский говорит о «феодальной иерархии, учрежденной у Кабардинцев» и сравнивает ее не только с порядками в Пруссии, Курляндии и Лифляндии, но и с «внутренним управлением в России во время удельных Князей» [Броневский 1823b: 113, 114]. Иными словами, в ней одновременно присутствуют четкая иерархия и княжеское своеволие. Это сочетание лежит в основе традиционного социально-политического порядка в Кабарде и во многом объясняет содержание и формы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе.

Во-вторых, в трактовке С.М. Броневского и И.Ф. Бларамберга место человека на вершине этой иерархии имеет двоякую детерминацию. Формально, занять его позволяет только «знатность рождения». Обладающие этим преимуществом княжеские особы, «по общему мнению признаны за неприкосновенные», и достичь «верховой власти», будучи незнатного

происхождения, невозможно. В реальной жизни личный престиж того или другого князя определяется его храбростью, а политическое влияние и даже сохранение владельческого статуса обеспечивается его силой, определяемой количеством вассалов и подвластного населения. Отсюда – необходимость постоянной военной активности князей в целях наращивания своей силы и влияния: «Главное попечение их состоит в том, чтобы приобретать способы к содержанию известного числа приближенных людей, составляющих отборное войско, а при том снабжать себя нужными вещами: сукном, оружием, конскими уборами. То есть, всякой старается о умножении двора своего и военных сил, дабы посредством сих последних достигнуть большей власти: кто живет смиренно в своей земле и не налагает даней на своих соседей, не почитается за сильного владельца» [Броневский 1823а: 43, 44]. Следует указать на сложное соотношение социальных и этнических компонентов в используемой здесь понятийной системе. Она отражает влияние популярной в XVIII в. «завоевательной» теории классогенеза, вообще, и генезиса феодализма, в частности. У П.С. Палласа, а вслед за ним у С.М. Броневского и И.Ф. Бларамберга проводится мысль, что княжеская аристократия Кабарды является наследницей завоевателей, а зависимые сословия состоят из потомков завоеванного ими «старожилого народа», принявшего язык завоевателей. Но описываемые ими военно-феодальные практики строятся на сугубо социальной, а не этнической мотивации, и среди тех, кто претерпевает притеснения со стороны князей Большой Кабарды называется, прежде всего, Малая Кабарда, а также упоминаются в их ряду и «Бесленейцы». Иными словами, здесь не проводится различия между «домашней» (С.М. Броневский) или «внутренней» (И.Ф. Бларамберг) и внешней для данного этнополитического ареала войной.

В-третьих, в качестве самостоятельного фактора в интер-социальных взаимодействиях выступают социально-психологические и социокультурные проекции феодально-аристократического социального порядка. У С.М. Броневского и И.Ф. Бларамберга прочитывается тройное видение этого обстоятельства. Прежде всего, иерархически выстроенный сословный строй не может не порождать у наследственной знати элементов аристократической спеси или «чванства», как это называет С.М. Броневский. Но вместе с тем аристократия является носителем социальных моделей поведения, воспринимаемых в качестве образцов другими слоями и группами населения. Их отличает то, что С.М. Броневский называет «особенным возвышением духа и людкостию в обращении», а И.Ф. Бларамберг – «благородством характера, учтивостью» [Броневский 1823б: 89; Бларамберг 1999: 206]. Наконец, С.М. Броневский и вслед за ним И.Ф. Бларамберг обращают внимание на ряд социокультурных институтов, регулирующих социальные взаимодействия, как внутри отдельных обществ, так и в их отношениях между собой. Они обозначают эту совокупность институтов понятиями «политика» и «народное право». Это «постановления или обычаи, коих благотворное действие ощутительную принесло пользу совокупно нравственности и населению: соблюдение долга гостеприимства, ненарушаемая связь дружбы под названием

Куначества, убежища в разных местах, почитаемые за неприкосновенные, охранение путешественников, предавшихся под покровительство Кунаков, почтение к старости и к заступлению женского пола, примирение враждующих Третейским Судом [Броневский 1823а: 53-54]. Эти установления и обычаи, уточняет И.Ф. Бларамберг, не предотвращают ни непрерывных военных действий, ни убийств, ни кровной мести, что имеет место до нынешнего времени, но они поддерживают союзы между ними [Бларамберг 1999: 43].

Отмеченные выше социально-политические и социокультурные явления занимают важное место в общем представлении у С.М. Броневского и И.Ф. Бларамберга культурно-исторической специфики Северного Кавказа. Как правило, они рассматриваются в литературе по отдельности, в качестве самостоятельных предметов изучения. Поскольку исследователя интересует их описательный аспект это вполне правомерно, однако при попытке выявить их концептуальный смысл обнаруживается необходимость учитывать их взаимные логические связи. В частности, концептуализация интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в российском кавказоведении первой половины XIX в. становится более понятной, если включить в нее представления о военном быте как универсальной характеристике обществ региона; о феодальной системе Кабарды и обусловленных ею военно-феодальных практиках кабардинских владельцев как специфическом факторе, обусловившем их особое место в интер-социальных взаимодействиях на Центральном Кавказе; о традиционных социокультурных институтах, оформляющих, делающих понятным и тем самым в той или иной степени легитимирующих для всех обществ региона порядок их взаимных отношений.

Труды северокавказских просветителей, общественных деятелей, писателей XIX в. обычно выделяют в особую группу историографических источников [Колесникова 2012]. Однако если говорить о первой половине века, то по своему концептуальному содержанию они вплотную примыкают к политико-этнографической линии в российском кавказоведении, хотя политический компонент выражен в них в различной степени. С этой точки зрения интерес представляет отражение проблематики интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в работах Ш.Б. Ногмова и С. Хан-Гирея.

Ш.Б. Ногмов в своей «Истории» указывал на «избалованность и худые нравы кабардинцев, беспрестанно помышлявших о набегах и грабежах», но относительно горских народов он фиксирует исключительно случаи их помощи кабардинским князьям в ситуациях внутренних распрей или в борьбе с нашествиями различных врагов. У него кабардинские князья в одном случае «послали в горы к разным народам, приглашая вступить с ними в союз» и «прибыли к ним около 3000 войска, набранного в разных местах гор»; в другом случае «кабардинцы были в опасном и ужасном положении, имея мало надежды на спасение, но через день неожиданно подоспела к ним помощь, состоявшая с лишком из 2000 людей, собранных из разных горских племен»; в третьем – «кабардинский народ решился прибегнуть под защиту абазинцев и других горских племен»; в четвертом – предупрежденные о приближении

крымского войска «кабардинцы все свое имущество, жен и детей отправили в горы» [Ногмов 1861: 90, 91, 98, 108, 141]. Материал о зависимости различных горских обществ от кабардинских владельцев содержится только в приложенных к изданию труда Ш.Б. Ногмова Постановлениях о сословиях в Кабарде [Ногмов 1861: 151-162].

С. Хан-Гирей отмечает господствующее положение кабардинских князей среди «соседственных с ними племен», но обращает на себя внимание критический пафос, с которым он характеризует этот иерархический порядок в интер-социальных взаимодействиях на Центральном Кавказе. «Кабардинцы, пользуясь превосходством своих сил над соседними с ними племенами, покорили их; конечно, они не имели на то законных прав, но право сильного доставило им возможность лишить слабых свободы, за которую сами неоднократно кровь свою проливали ручьями, отражая войска крымских ханов», – провозглашает он [Хан-Гирей 2008: 188]. Хан-Гирей называет горские общества, имевшие «несчастье быть в соседстве с кабардинцами» жертвами их алчности, покоренными их оружием, данниками, тогда как более отдаленные «по временам также повиновались им или были разоряемы». Кабардинские же воинственные князья «покоряют», «опустошают», «разоряют», «утесняют» и «угнетают», устанавливают свое «иго» над своими ближними и дальними соседями [Хан-Гирей 2008: 188, 189].

Если говорить об общем концептуальном наследии политико-этнографической школы, повлиявшем на дальнейшее развитие историографии проблем интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, то наиболее существенным представляется присутствие в нем определенного расхождения между преимущественно социальной и социокультурной их интерпретацией и преимущественно этнической экспозицией социального пространства региона.

Структурирование дискурсивного пространства проблемы: социоисторизм, правительственный реформизм, этнополитика

Во второй половине XIX – начале XX в. приоритеты научных исследований в рамках, как правительственного, так и ученого, и общественного направлений кавказоведения по-прежнему определялись интересами официальной политики вовлечения Северного Кавказа в российскую имперскую систему [Колесникова 2011: 421-422]. Но теперь речь шла не об установлении военно-политического контроля и суверенитета над территорией, а о включении местных обществ в судебную-административную систему, экономическую жизнь и сословную структуру империи. Тем самым создавался новый контекст для практики интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе и для их осмысления. Этнические общества обретали формальные административно-территориальные границы, что стимулировало процессы этнической консолидации и одновременно вело к окончательному слову традиционных форм и механизмов их поземельных и социальных взаимоотношений. Наряду с перестройкой внутренних социальных отношений каждого из местных обществ (земельная реформа, освобождение зависимых

сословий) кавказская администрация была озабочена определением места их привилегированных сословий в сословной структуре империи. Это также актуализировало вопрос об их относительном статусе, причем их представители активно участвовали в его решении, заявляя свои позиции и свои трактовки традиционной системы социально-политических отношений в регионе.

Новизна ситуации была связана с тем, что дискутировавшиеся на разных уровнях Кавказской администрации проблемы в конце XIX – начале XX в. вышли в публичную сферу. Возникло своего рода локальное дискурсивное пространство, логическая среда, в которой сословный и земельный вопросы оказались тесно связаны с интерпретацией природы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Прямой или косвенный обмен оценками и суждениями шел между коллегиальными органами и отдельными авторами, принадлежавшими к научному миру (М.М. Ковалевский, Н.П. Василенко), к чиновникам Кавказской администрации (Н.Ф. Грабовский, Н.П. Тульчинский), к просвещенным слоям местных этнических элит (М. Абаев, Б. Шаханов, Д. Цаликов). С большей определенностью выступила грань между собственно научно-ориентированными (академическим) и социально-ориентированными (нацеленным на актуальные интересы власти и тех или иных социальных и этнических групп) интерпретациями интер-социальных взаимодействий в регионе.

* * *

Предметом преимущественного интереса академического российского кавказоведения становится изучение социальной структуры и обычного права обществ Северного Кавказа. Познавательные предпосылки становления новой модели представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа создавались накоплением этнографического материала о народах региона, профессионализацией сферы научного изучения Кавказа, превращением его в интегральную часть академической науки в условиях становления научного историзма и роста влияния позитивистской теории социальной эволюции. Базовая черта этой модели – социоцентризм, т.е. превращение общества, социальной структуры и социальных отношений (познаваемых через систему обычного права) в предмет преимущественного интереса и в основной элемент концептуализации культурно-исторической специфики Северного Кавказа.

В рамках социоисторической модели переформулируются и заново ставятся традиционные вопросы. Анализ эмпирического материала подчиняется решению общих теоретических вопросов социальной эволюции. «Какие же, спрашивается, выводы по отношению к эволюции общества дает нам этнография кавказских племен?» – ставил вопрос М.М. Ковалевский [Ковалевский 1890: 9]. По Ф.И. Леонтовичу кавказские обычно-правовые материалы (адаты) представляют немаловажный научный интерес для сравнительного правоведения. В обычном праве кавказских горцев «в большинстве стоящих на низких ступенях общественного развития сохранилось немало институтов глубокой старины, по своему происхождению

и характеру принадлежащих к таким явлениям общественной культуры, которые на первых порах встречались в истории всех народов» [Леонтович 1882: 2].

М.М. Ковалевский был убежден, что результатами изучения Кавказа со стороны обычного права населяющих его народностей будут восполнение и исправление тех учений о древнейшем праве и учреждениях, которые пользуются всеобщим признанием, в частности, видоизменение ходячих представлений «о так называемом феодальном быте». Ценность Кавказского материала он связывал с тем, что «процесс феодализации у разных народностей Кавказа достиг разных ступеней развития»: «У одних мы его видим только в зародыше; у весьма немногих – в законченном виде. Сопоставляя и сравнивая между собою системы общественных отношений у разных народов Кавказа, мы получаем возможность отметить последовательные стадии развития, через которые проходит процесс феодализации» [Ковалевский 1882: 137].

При этом социальная эволюция в целом и процесс феодализации в частности развиваются по М.М. Ковалевскому в тесной связи с интерсоциальными взаимодействиями и влияниями. В социально-правовом укладе современных ему горских народов Кавказа он различал эндогенные для них «народные элементы» и результаты экзогенных «культурных влияний». Важное место среди последних он отводил влиянию сословного строя кабардинцев на эволюцию социальных порядков у осетин и балкарцев. В работах М.М. Ковалевского прочитывается два фундаментальных фактора, объясняющих это обстоятельство.

Во-первых, по его оценке в Кабарде раньше оформился сложный социальный порядок, в котором князья за собой «удержали право политического господства, а все остальные сословия поставили по отношению к себе в вассальную или крепостную зависимость», так что иерархический характер «кабардинской общественной организации» дает возможность «открыть источник, из которого заимствована была осетинами и балкарцами доселе существующая в их среде система сословий» [Ковалевский 1890: 240, 245].

Во-вторых, будучи ближайшими соседями горцев, кабардинцы были связаны с ними устойчивыми и многообразными отношениями. «Судьбы этого племени в течение ряда столетий были связаны с судьбами горцев», – замечает М.М. Ковалевский [Ковалевский 1882: 140]. В силу объективных условий географического, хозяйственно-экономического и военно-политического порядка эти связи носили асимметричный характер, объясняющий заимствование горцами элементов сословной системы кабардинцев: «Сам факт заимствования легко объясним, – пишет М.М. Ковалевский, – раз мы примем во внимание господствующее значение кабардинцев на протяжении всего северо-западного Кавказа, ту экономическую зависимость, нередко принимавшую даже политическую форму, форму платежа дани, в какой жители горных ущелий жили от замыкавших проходы большой Кабарды, и то высокое уважение, каким все горцы окружают это по преимуществу рыцарское племя» [Ковалевский 1890: 245].

Механизм социальных заимствований по М.М. Ковалевскому имел социокультурные и социально-политические измерения. С одной стороны, он отмечает, что подражая кабардинцам во многих элементах материальной и социальной культуры (одежде, оружии, манере держать себя в обществе и т.д.), горские народности «усвоили себе также кабардинскую точку зрения на те отношения, какие должны существовать между повелителями и подвластными, между князем и его вассалами». С другой – установление прочного порядка в некоторых частях Осетии «совершилось при непосредственном участии кабардинских дружин» [Ковалевский 1890: 245]. М.М. Ковалевский свидетельствовал, что изученные им материалы не дают права «отрицать существование более чем номинальной зависимости горских таубиев от кабардинских князей» и, напротив, «дают право утверждать, что в известный момент их истории горские таубии принуждены были признать над собою власть соседних кабардинских князей, – сделались их вассалами (узденями), обязались оказывать им покорность и платить дань» [Ковалевский 1890: 256]. Эти общие положения подкрепляются у него разнообразным историко-этнографическим материалом из области кабардино-осетинских и кабардино-балкарских интер-социальных взаимодействий [Ковалевский 1890: 245-256].

* * *

Для правительственного направления в пореформенном кавказоведении одной из серьезных трудностей получения ясного представления о сословной структуре отдельных обществ и характера их взаимных отношений было как раз то, что приходилось реконструировать социальные порядки во многом уже оставшиеся в прошлом. Основная работа такого рода была проделана под руководством Д.С. Кодзокова Временной комиссией для разбора личных и поземельных прав туземцев Терской области (1864-1869) и Комиссией для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей (с 1869 г.). Основные ее работы были закончены к концу 1870-х гг. Нас интересует не дальнейшая судьба комиссии и ее предложений, а концептуальное содержание ее аналитических материалов. В обобщающей справке по материалам комиссии, составленной в 1885 г. в Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе говорилось: «Свод исследований комиссии включает отдельные пояснительные записки о личных правах туземного населения Терской и Кубанской областей; выписки из тех источников, которыми она руководствовалась при своих исследованиях к пояснительным запискам; заключение комиссии о том, какие именно из горских сословий следует считать соответствующими разрядам высшего сословия империи в представлениях ее» [О правах... 2003: 76].

В контексте рассматриваемой проблемы существенное значение имеют следующие моменты. Во-первых, основным, но не единственным источником сведений о межсословных отношениях были данные под присягой «показания» депутатов от сословий. Поэтому в своих выводах комиссия постоянно ссылается на множество заявлений от «алдар, баделят, таубиев, курат, саргасат, гагауров», на «мнение туземцев неадыгейского племени» и «депутатов всех

сословий Большой и Малой Кабарды» и т.д. Во-вторых, из собранных таким образом сведений о сословии кабардинских *пши*, комиссия сделала вывод, что «в прошлой жизни многих туземных племен Северного Кавказа первенствующее место принадлежало этому сословию» и влияние их «хотя и в неравной степени распространялось на все окружающие Кабарду племена, из которых более отдаленные... были только их данниками; ближайšie же... находились у них почти в состоянии рабства» [О правах... 2003: 83]. В-третьих, представления о статусе и правах высших сословий Кабарды были приняты комиссией как методологический инструмент анализа сословной структуры других горских обществ, но со ссылкой на «убеждение самих туземцев»: «На том основании, что привилегированные кабардинские сословия в быту различных племен Терской и Кубанской областей, по убеждению самих туземцев, служат как бы мерилom высшего происхождения, комиссия нашла не только уместным, но даже и необходимым при рассмотрении прав сословий туземцев неадыгейского племени сравнивать права их с правами сословий пши, тлякотлеш и дигинуго...» [О правах... 2003: 94-95]. В-четвертых, на основании собранных материалов комиссия засвидетельствовала, что «не найдется ни одного туземца, который бы осмелился оспаривать первенство сословий *пши*» и что привилегированные сословия осетинских и балкарских обществ притязают только на приравнение их к кабардинским «первостепенным узденям» – тлякотлешам и дигинуго. Вместе с тем зафиксировано и то, что «феодализм таубиев» и само значение этого слова «горский князь» дали повод их представителям – подпоручику Хамурзе Шакманову и прапорщику Кургоко Абаеву заявить комиссии, что «они свое сословие считают по принадлежащим ему правам и преимуществам равным с кабардинскими князьями». Но эта претензия была единогласно признана несостоятельной всеми остальными участниками заседания – депутатами от всех сословий Большой и Малой Кабарды и привилегированных от Дигории [О правах... 2003: 83, 95, 102]. Здесь проявилась концептуальная коллизия между видением сословной структуры горских обществ в интер-социальной либо, напротив, интра-социальной перспективе. В самом деле, кабардинские и дигорские депутаты (составлявшие, видимо, большинство участников заседания), скорее всего, соотносили статус таубиев с оценкой собственного статуса. Кабардинские князья не считали таубиев равными себе, а кабардинские тлякотлешы и дигорские баделяты не считали их стоящими выше себя. На этом строились их реальные взаимоотношения. Со своей стороны, балкарские депутаты, скорее всего, исходили из сословного статуса таубиев в самом горском обществе. Не случайно и то, что вопрос о равенстве с кабардинскими князьями был поставлен представителем владельческих фамилий Балкарского общества, которое всегда сохраняло свою независимость (Абаевы) и тесно связанных с ними Хуламских таубиев (Шакмановы). С их точки зрения, «феодализм таубиев», видимо, не имел принципиальных отличий от «феодализма *пши*». Но и те таубии, которые согласно материалам комиссии, сами считали себя «по личным правам и происхождению равными сословию кабардинских тлякотлешей», по разному представляли свой статус в зависимости от его

интра- или интер- социальной проекции. С одной стороны, они признавали, что могли родниться «с высшими сословиями Кабарды (за исключением княжеского)», что говорило об их более низком по сравнению с кабардинскими князьями статусе. Но одновременно они свидетельствовали (и комиссия с этим соглашалась), что «до вступления балкарцев в русское подданство вся власть над народом, то есть суд и расправа, находилась в руках их таубиев» [О правах... 2003: 95]. Здесь трудно усмотреть отличие от места и роли княжеского сословия в кабардинском обществе.

Реально на повестке дня стоял вопрос не о прямых взаимоотношениях таубиев с кабардинскими князьями, а об их возможном месте в сословной структуре Российской империи и удовлетворении их потребностей в земельных ресурсах, что также зависело от сегодняшних решений Кавказской администрации. Но проблема рассматривалась всеми участниками процесса в историческом контексте. Суждения самой Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей о «первенстве» кабардинских князей по отношению к привилегированным сословиям горских обществ относились не к актуальному состоянию их отношений, а к достаточно давнему прошлому, так что оно приобрело уже характер «легендарного сказания». А «настоящее время», по оценке комиссии, отмечено «уравниванием кабардинцев с другими племенами Северного Кавказа и принижением кабардинской знати перед знатью некоторых племен неадыгейского происхождения» [О правах... 2003: 77].

Реконструируя истоки процесса, приведшего к этому результату, Н.Ф. Грабовский писал о ситуации после заключения Белградского мира в 1739 г., что «существование Кабарды, как независимой страны в нашем соседстве, имевшей влияние на подвластных ей ближайших народов – осетин (тагаурцев), ингуш и карабулаков, считавшихся в то же время и подданными России, – не мыслимо было», так что «все стремления русской политики на Кавказе по отношению к Кабарде как самой сильнейшей и богатейшей тогда народности на Кавказе должны были сосредоточиться на уничтожении белградского трактата». И уже на рубеже 1760-1770-х гг. «данники Кабарды – осетины и ингуши, – покровительствуемые русскими, отказались подчиняться требованиям кабардинских владельцев и в свою очередь стали производить набеги на кабардинские селения, опустошая и разоряя их» [Грабовский 1876: 125, 129]. А в 1818-1822 гг. согласно К.Ф. Сталю и Н.П. Тульчинскому «с покорением Кабарды генералом Ермоловым» соседние с ней горские общества были «отделены от зависимости князьям Большой Кабарды» [Сталь 2001: 212-214; Тульчинский 1903: 175]. В итоге К.Ф. Сталь мог в начале 1850-х гг. констатировать: «В настоящее время Кабарда совершенно покорна, владение ее разложено на первоначальные составные части» [Сталь 2001: 212].

Н.Ф. Грабовский затрагивал проблему кабардино-горских интер-социальных взаимодействий в контексте истории кабардино-русских отношений, утратившей уже политическую актуальность и представлявшей только научный интерес. Н.П. Тульчинский выходит на ту же проблему в связи с земельным и сословным вопросами в горских обществах, стоявших в конце

XIX – начале XX в. на актуальной повестке дня. Он воспроизводит устоявшиеся представления о зависимости горских «племен» от кабардинских князей и о причинах этой зависимости, ссылаясь, в частности, на материалы комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей и на Постановления о сословиях в Кабарде, опубликованные как приложение к работе Ш.Б. Ногмова. Он констатирует, что в «прежние времена горцы находились в полном подчинении у кабардинских князей», говорит об «эпохе владычества кабардинских князей над соседними народностями» [Тульчинский 1903: 170, 172]. В интерпретации Н.П. Тульчинского необходимость для горцев в покровительстве со стороны кабардинских князей «проистекала, во-первых, из потребности горцев весной и осенью выходить со своими стадами на кабардинскую территорию и, во-вторых, в защите самих себя и своих жилищ от хищнических набегов кабардинцев» [Тульчинский 1903: 173]. Важным представляется суждение Н.П. Тульчинского о том, что все эти факторы «заставляли первых быть в постоянном общении с последними» [Тульчинский 1903: 171]. Оно выглядит как эмпирическая констатация, но в действительности несет существенную концептуальную нагрузку.

В эксплицитной форме Н.П. Тульчинский использует его для обоснования своего тезиса об отсутствии в балкарских обществах феодальной земельной собственности. С одной стороны, вслед за М.М. Ковалевским он отмечает, что общественный быт балкарских обществ, сложился во многом под влиянием аристократических порядков в Кабарде. С другой – он полагает, что «всюду на Северном Кавказе, где процветал аристократический уклад жизни» и где крепостное право не выродилось в полное рабство, «земельная собственность как юридический институт не была присуща высшим классам». Соответственно, он отвергает претензии таубиев на то, что «аристократический строй горцев имел все атрибуты феодализма Западной Европы, не исключая земельного права» таубиев, и поземельной зависимости от них остальных сословий горского общества [Тульчинский 1903: 168, 171, 172]. Эти положения Н.П. Тульчинского подвергались критической оценке и тогда и впоследствии с разных сторон и по разным основаниям.

В контексте нашей темы не менее существенным представляются концептуальные последствия вышеприведенной констатации, которые Н.П. Тульчинский не развивает в явной форме. Но они иллюстрируются приводимым им материалом. Н.П. Тульчинский отмечает, что обязательным условием «большого ското-овцеводства» в горах является возможность на регулярной основе осенью и весной пользоваться пастбищами на плоскости и в предгорьях на протяжении 4-5 месяцев в общей сложности. Отсутствие у горцев собственных земель на плоскости привносило в это условие элемент неопределенности, причинявший беспокойство как горским жителям, так и жителям кабардинской плоскости». Чтобы сделать условия своей жизнедеятельности устойчивыми и предсказуемыми горцы оказывали всякие услуги «влиятельнейшим кабардинским князьям» и достигли того, «что стали свободно пользоваться плоскостью и предгорьями скал для своих стад». Преимуществами этого покровительства прежде всего воспользовались, по

оценке Н.П. Тульчинского, представители высших сословий – таубии и некоторые каракешы. Они «ближе стояли к кабардинским князьям и больше других пользовались их милостями главным образом, вследствие семейных услуг: таубии всеми способами старались брать на воспитание княжеских детей». Складываясь, таким образом, тесное родство таубиев и кабардинских князей стояло по обычаю выше кровного. Результатом таких родственных сближений и других услуг было занятие таубиями на Кабардинской территории и у себя дома лучших земель [Тульчинский 1903: 171-174]. Таким образом, сближение и своеобразное «выравнивание» социального статуса кабардинских и балкарских владельцев определялось не только политикой кавказской администрации, но закреплением их отношений в традиционных институтах, регулирующих хозяйственную жизнь и личные связи. «Несмотря, однако, на все это, – отмечает Н.П. Тульчинский, – гнет, налагаемый на горцев господством кабардинских князей, все таки давал себя чувствовать в разного рода реквизициях и штрафах, а потому естественно было стремление таубиев и всех горцев освободиться от ига» [Тульчинский 1903: 174].

* * *

В условиях второй половины XIX в., когда российские власти искали варианты решения сословного вопроса, подразумевающие дифференциацию сословного статуса привилегированных сословий отдельных этнических обществ Центрального Кавказа, стали проявляться признаки этнополитической конкуренции между ними, повлиявшие на интерпретацию опыта их прошлых отношений.

Интересным свидетельством этого является, появившийся в 1882 г. памфлет, в котором подвергались критике методы работы, выводы и рекомендации Комиссии для разбора сословных прав туземцев Кубанской и Терской области. Автором памфлета был Д. Цаликов, полковник и, судя по всему, выходец из Куртатинского общества Осетии [Цаликов 1882].

Он упрекал комиссию в том, что она оказалась в плену частных эгоистических интересов, несовместимых с возложенной на «агентов высшей власти» и общественные учреждения задачей служения обществу. «Везде в заключениях ее видна предвзятая мысль выделить Кабардинское племя из группы прочих Кавказских племен, сообщить этому племени первенствующую роль и наделить его всеми сословными преимуществами – писал он. – Таким образом, прочие Кавказские племена ставятся Комиссией на задний план, в котором последнее место отводится Куртатинскому обществу» [Цаликов 1882: 24, 25].

В основе этой предвзятости лежит неверное представление о характере интер-социальных отношений различных обществ Центрального Кавказа. «На каком основании, например, Комиссия утверждает на стр: 5 своих трудов, что многие Кавказские племена состояли в зависимости и даже в рабстве у Кабардинцев! – восклицал Д. Цаликов. – Если это факт исторический, то желательно знать чем он доказывается» [Цаликов 1882: 13]. Ошибка комиссии

в этом вопросе проистекала по мнению автора из того, что для изучения «нравов, обычаев и преданий народа» она опиралась только на «свидетельства депутатов, взятых из того же народа». Для него было очевидно, что «кабардинские депутаты ставили свое племя выше всех других племен, считая чуть-ли не каждого кабардинца природным аристократом». Д. Цаликов не подвергал сомнению добросовестность депутатов, которые «говорили то, в чем сами были вполне убеждены», но они могли заблуждаться «вследствие весьма естественной любви к своему племени» [Цаликов 1882: 7]. Таким образом, Кабарда представляется по мнению Комиссии «гнездом аристократии Северного Кавказа», а все прочие племена только приближаются к ним по своим народным прерогативам. Но, по убеждению Д. Цаликова, в действительности ничего подобного нет [Цаликов 1882: 22-23].

Принципиальная позиция Д. Цаликова относительно социальных порядков на Центральном Кавказе заключается в том, что «различие сословий имело место у всех племен, населяющих Северный Кавказ», но понятие феодализма как сугубо европейского явления к ним, как к восточным народам, неприменимо. Все горские племена Северного Кавказа без исключения, полагает он, построены были «на начале почти рабского почитания старших», каковое «есть характеристическая черта всех восточных народов» [Цаликов 1882: 15, 16].

Солидаризируясь с начальником Кубанской области в 1873-1882 гг. Н.Н. Кармалиным, Д. Цаликов видит справедливое и целесообразное решение сословного вопроса на Северном Кавказе в уничтожении всех древних привилегий горцев, чтобы они, как и все русские, приобретали права и преимущества только личными заслугами перед отечеством. Это нанесло бы удар чувствительный горским племенам, «склонным ревниво охранять свои родовые преимущества», признает он, но время изгладило бы силу этого удара. А великое преимущество этой меры в том, что она носила бы общий характер, коснулась бы всех без исключения и потребовала бы равных жертв от всех племен Северного Кавказа. Тем самым, надеется Д. Цаликов, она могла бы послужить «базисом для нового общественного строя кавказских горцев» [Цаликов 1882: 20, 21]. В противоположность этому предложение комиссии об утверждении в потомственном дворянском достоинстве (с титулом горских князей или без титула) только отдельных горских сословий он считает предвзятым и несправедливым. По его мнению такое предложение, «возвышая одни племена, унижает произвольно другие». Осуществив его, «правительство положило бы семя раздора, зависти и недовольства на долгие времена» [Цаликов 1882: 20, 21]. То есть, по сути, Д. Цаликов переводит проблему в плоскость этнополитики и предупреждает, что проекция представлений о дифференциации «множества племен» Северного Кавказа по степени развития у них сословных различий на настоящее их положение породит напряженность в межэтнических отношениях. Сделавший военную карьеру образованный выходец из Куртатинского общества, которое было отнесено комиссией в разряд лишенных сословных различий «демократических» обществ региона, настаивает, что универсальный подход с позиций «сословного эгалитаризма»,

уравнение всех сословий всех обществ перед лицом российского государства является предпосылкой своего рода «этно-эгалитаризма» и условием поддержания межэтнического мира в регионе.

Иным был опыт интеграции в имперскую социальную систему балкарских обществ и он не мог не отразиться в том, как образованные представители сословия таубиев концептуализировали интер-социальные отношения на Центральном Кавказе. Через десять лет после принятия присяги на Российское подданство депутаты от всех балкарских обществ и дигорцев обратились к императору с прошением: «оставить нам... наше вероисповедание»; позволить производить судопроизводство «по древним нашим обычаям»; дозволить «беспрепятственно пользоваться теми землями, коими до сего времени мы пользуемся; оставить «родовые преимущества и звание тем в наших племенах, которые таковыми с незапамятных времен доселе пользовались» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 13-13об.].

В декабре 1852 г. горская депутация в Санкт-Петербурге просила, чтобы высшее сословие их именовалось не «старшинами», а тем именем, которое они носили до поступления под покровительство России, то есть таубий (горский владелец), «названием понятным для подвластного им народа». И император не усмотрел препятствий для удовлетворения этой просьбы. Ссылаясь на «крайний недостаток в земле», депутаты просили также, чтобы «в распоряжение их были отданы участки земли, находящиеся близ обитаемых ими гор, выше лесов, отделяющих их племена от владений кабардинцев, и которыми в настоящее время никто не пользуется». Решение этого вопроса император оставил на усмотрение Кавказской администрации [Документы... 1959: 51-52]. С началом осуществления земельной реформы на Северном Кавказе в 1863 г. балкарские таубии отстаивали свои права в качестве земельных собственников и добивались желательного для себя разграничения земель Кабарды и горских обществ, причем их фактическое размежевание, состоявшееся только в 1883 г., воспринято было ими негативно [Кудашев 1913: 255-256].

В ходе работы сословно-поземельной комиссии таубии добивались формального закрепления за собой владельческого статуса и титула горских князей. В материалах, собранных В.Н. Кудашевым и использованных Н.П. Василенко при составлении исторических сведений о кабардинском народе, упоминаются две записки, поданные от имени балкарских таубиев в комиссию. В первой, которую Н.П. Василенко датирует концом 1860-х гг. говорилось, в частности, что «горские племена с незапамятных времен, далеко еще до появления адыге, жили сначала в предгорьях», а затем вынуждены были «удалиться в верховья разных ущелий для самостоятельного и дальнейшего существования, т.е. сохранения своих нравов, обычаев и языка, не подходивших ни в каком отношении к адыгейскому племени». Вместе с тем в записке оговаривалось, что «впоследствии взято много кой-чего из адыгейской жизни» и что «адыгейцы служили некогда образцом в жизни не только одному соседнему с ними горскому племени, но и всем племенам Северного Кавказа» [Кудашев 1913: 240-241]. После того как начальник Кубанской области

Н.Н. Кармалин в своей записке от 23 марта 1877 г. высказался против предложения сословно-поземельной комиссии о предоставлении привилегированным сословиям горцев прав российского потомственного дворянства таубии подали новую записку. В ней они напоминали, что присоединились к России добровольно и что им было обещано сохранение их прав. Они также указывали на упущения в материалах комиссии, допущенные в том числе потому, что сами таубии не смогли донести до комиссии все необходимые сведения. Таубии просили, чтобы им были даны права, «соответствующие высочайше дарованному им титулу тау-бий, т.е. горский князь» [Кудашев 1913: 153-154]. Очередной цикл борьбы таубиев за свой сословный статус, поземельные права и интересы был связан с работой комиссии по исследованию положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области под руководством И.Г. Абрамова в 1906-1908 гг. [Муратова 2016; Труды... 1908].

Актуальный общественный контекст рубежа XIX-XX вв. не мог не отразиться на восприятии исторического опыта интер-социальных взаимодействий. Ретроспективно, в конце XIX в., представители балкарской и кабардинской аристократии давали уже весьма различные интерпретации природы их взаимных отношений в прошлом: «По словам князя Асламбека Атажукина, – сообщил М.М. Ковалевский, – его предки, завоевавши Чегем и соседние с ним аулы, обложили горцев данью... Балкарцы сплошь и рядом отрицают обязательный характер этой дани и говорят о добровольных платежах, произведенных ими в разное время в пользу кабардинских князей, как бы в признательность за дозволение пасти стада на плоскости в весенние и осенние месяцы, когда в горах нет достаточного корма» [Ковалевский 1890: 255-256]. Но указанные обстоятельства прочитываются и в двух выдающихся текстах историко-этнографического и политико-правового характера, принадлежащих перу М.К. Абаева и Б.А. Шаханова.

М.К. Абаев рисует широкую картину интер-социальных связей балкарцев с окружающими обществами. «Балкарцы с древних времен имели мирные сношения и военные столкновения с соседними племенами: Грузией, Имеретией, Сванетией с юга, осетинами с запада, карачаевцами с востока и кабардинцами с севера, а также с чеченцами, кумыками и дагестанцами», – пишет он [Абаев 1992: 11]. Присутствие элементов мирных сношений и столкновений «из-за земельной границы» или набегов, грабежей, угона скота отмечено у М.К. Абаева для всех соседей Балкарии кроме Карачая: «несмотря на то, что их разделяет значительное горное пространство, между обоими народами существовала родственная, неразрывная связь» [Абаев 1992: 12].

Характеристика «кабардино-балкарских отношений» включает у М.К. Абаева несколько моментов. Во-первых, речь идет об отношениях «Кабарды» и «кабардинцев» с «Балкарией» и «балкарцами», то есть субъектами этих отношений является этно-социо-территориальные единицы или этнические общности. Во-вторых, Кабарда, занявшая равнины у выходов из ущелий, представляется «самым сильным по многочисленности и враждебным племенем для Балкарии», а также для горцев Осетии, ингушей, карачаевцев и

абазинцев [Абаев 1992: 12]. В-третьих, содержание отношений сводится к постоянной борьбе горсти жителей пяти обществ Балкарии с этим сильным и воинственным племенем вплоть «до последних времен» [Абаев 1992: 13]. В-четвертых, по оценке М.К. Абаева, все балкарские общества сумели в этой борьбе «с почти кочевым народом – Кабардою» сохранить свою независимость и самостоятельность даже тогда, когда все адыги (кабардинцы и другие черкесские племена) «подчинялись крымскому хану, который посылал к ним своих наместников из членов своего рода». И если бывали случаи, когда кабардинским князьям «удавалось проникать с отрядами в горы и производить грабежи в более доступных и сравнительно небольших обществах Хулам, Чегем и Баксан», то происходило это благодаря отсутствию постоянного сильного караула у входов ущелий, разрозненности обществ между собой, в моменты раздоров между самими обществами, «а иногда таубии этих обществ нарочно звали к себе какого-нибудь кабардинского князя, сговорившись с ним, чтобы сбыть ему членов какого-нибудь беспокойного рода из числа своих подданных». Но собственно Балкарское общество, подчеркивает М.К. Абаев, «никогда ни в какие подобные сделки не входило с кабардинцами и охраняло зорко свои границы» [Абаев 1992: 13-14].

Значительное место уделено в очерке М.К. Абаева актуальным, все еще не решенным проблемам социально-экономической жизни балкарских обществ и, прежде всего, земельному вопросу, причем он оказывается тесно связанным с кабардино-балкарским интер-социальным взаимодействием. Ссылаясь на отзыв наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича от 1867 г. и записку военного министра Милютин к проектной карте распределения земель Большой Кабарды от 1869 г., М.К. Абаев заключает, что правительство еще тогда признало «права собственности на земли, как отдельных лиц, так и целых обществ и, кроме того, признав, что у них собственной земли недостаточно, нашло нужным тогда же дать им удобные земли на плоскости Кабарды», еще предложено было два кабардинских аула, расположенных у двух главных входов в горные ущелья, перевести в низовья, «чтобы очистить земли для горцев» [Абаев 1992: 29]. На этих основаниях, считает М.К. Абаев «было почти решено правительством признать за горцами право собственности на всю их территорию», но эти проекты остались неосуществленными, неопределенность земельных прав горцев затянулась, а их положение «с увеличением населения в 4 раза еще более ухудшилось» [Абаев 1992: 36, 37].

В контексте нашей темы представляет интерес объяснение причин такого положения. Здесь на первый план у М.К. Абаева выступает фигура Д.С. Кодзокова, которого он называет «правой рукой» начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова по управлению туземным населением. При этом М.К. Абаев учитывает не только служебное положение, но и национальную принадлежность Д.С. Кодзокова, который «будучи сам по происхождению кабардинцем» добился согласия представителей высшего сословия Кабарды на принятие акта от 20 августа 1863 г. о признании земли кабардинского народа его общим достоянием и о желании пользоваться ею на общинном праве владения [Кудашев 1913: 192]. Он склонял и таубиев к подаче подобного же

заявления об отсутствии в горах поземельной собственности, «но они отказались от такой лжи, поэтому Кодзоков в роли председателя поземельной комиссии принимал все меры к тому, чтобы вопреки проекту наместника границы территории горских обществ отодвинуть как можно дальше в горы, и с этой целью возбудил кабардинцев с помощью своих соучастников против горцев, и они начали пограничные споры» и в итоге горцы вынуждены были даже «отказаться от части земель, которыми они владели искони» [Абаев 1992: 34, 35]. Последняя попытка администрации исправить ненормальную ситуацию неопределенности поземельных прав горцев созданием в 1906 г. комиссии по исследованию положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области под руководством И.Г. Абрамова в 1906-1908 гг. также была неудачной. Эта комиссия, по замечанию М.К. Абаева, «закончила свои работы, к сожалению, возбуждением массы недоразумений и жалоб» [Абаев 1992: 37].

С полемикой вокруг результатов работы Абрамовской комиссии связано появление второго важного для реконструкции представлений об истории взаимоотношений кабардинских владельцев и горских обществ в общественной мысли начала XX в. документа. За подписью 490 землевладельцев пяти горских обществ Терской области, в комиссию не позднее ноября 1908 г. была представлена большая записка под названием «Объяснение в комиссию по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области». Чиновник, приложивший этот документ к докладу управляющего Терской областной чертежной, оценил его как «обширный и убедительный протест», который «составлен из компактного собрания фактических доказательств права собственности на владения таубиями земли, причем выключить что-либо из этого протеста без ущерба защиты этих прав почти невозможно...» [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1597. Л. 30]. Этот обширный документ был составлен Басиятом Шахановым и как нельзя более точно отражает исторические и общественно-политические взгляды своего составителя. Первоначально он был опубликован в газете «Терек» в 1909 г. (№3541-3559) в виде статьи без подписи, под названием «Возражение землевладельцев пяти горских обществ Нальчикского округа Терской области на проекты разрешения земельного вопроса». В 1991 г. Т.Ш. Биттирова по газетному списку переиздала этот документ в «Избранной публицистике» Б. Шаханова [Шаханов 1991].

Его концепция кабардино-горских интер-социальных взаимодействий сформулирована в рамках анализа доводов комиссии «в пользу несуществования у нас права собственности», и первый довод он представляет так: «кабардинцы господствовали над горцами, у кабардинцев не было института частной земельной собственности, следовательно, не было его и у горцев» [Шаханов 1991: 164]. Разбирая этот довод, Б.А. Шаханов строит собственное видение вопроса, опираясь на историко-этнографический материал.

Прежде всего, Б.А. Шаханов отвергает преувеличенные представления о «господстве кабардинцев», заявляя, что «пора оставить рассказы о том, что

будто бы карачаевцы и горцы (за исключением балкарцев) находились как бы в состоянии рабства у кабардинских князей». «Никто из нас не станет отрицать исключительного влияния на Северном Кавказе кабардинских князей – пишет далее Б.А. Шаханов, – но надо же ставить и должные рамки этому влиянию. Но превращать горских таубиев чуть ли не в крепостных кабардинских князей – значит, да простит нам комиссия! говорить вещи, не имеющие и тени правдоподобия» [Шаханов 1991: 165].

Заслуживает специального разбора его «источниковедческий аргумент», ставящий под сомнение тезис о «состоянии рабства» горцев у кабардинских князей. «На каких авторитетах покоится это утверждение – спрашивает Б.А. Шаханов? – На статье, написанной кем-то и помещенной в «Сборнике сведений о кавказских горцах», выпуск III, и на «Истории адыгейского народа», написанной кабардинцем Ногмовым». Здесь можно отметить два обстоятельства. Во-первых, статья, о которой идет речь была представлена в «Сборнике сведений о кавказских горцах», выпуск III за 1870 г. как «отрывок из трудов Комиссии по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской области», а именно: Записка о кабардинских привилегированных сословиях, которая «редактирована членом комиссии г. Масловским» [Привилегированные сословия... 1870: 1]. Во-вторых, тезис о том, что горцы находились «почти что в состоянии рабства» у кабардинских князей представлял собой позднейший вывод Терской сословно-поземельной комиссии и, насколько нам известно, в более ранних источниках такая формула не встречается. В частности, в тексте «кабардинца Ногмова» ничего подобного нет, как и в тексте «Постановлений о сословиях в Кабарде», опубликованных в качестве приложения к его «Истории» [Ногмов 1861: 151-162]. Но Б.А. Шаханов реагировал на утвердившуюся в бюрократическом дискурсе конца XIX в. формулу, которая воспринималась как отдающая преимущество в решении сословного и земельного вопросов кабардинскому княжескому сословию. Здесь можно видеть, как на его корректной, с точки зрения исторических реальностей, позиции отражается обстановка своего рода этнополитической конкуренции, сложившаяся в условиях реформирования традиционной системы интерсоциальных взаимодействий на Центральном Кавказе.

В обоснование своей позиции о том, что «кабардинские князья не были «господами» горских таубиев» и что в горских обществах существовал «земельный строй, не имевший ничего общего с кабардинским» Б.А. Шаханов приводит три историко-этнографических аргумента. Первый из них относится к природе связывавших кабардинских и балкарских владельцев отношений искусственного родства. Б.А. Шаханов показывает на примерах, что имели место и случаи воспитания таубиями кабардинских князей, и случаи воспитания кабардинскими князьями сыновей горских таубиев и делает вывод: «Во всех этих случаях «аталычества» не было, и все эти случаи не имели последствием приобретения одной из сторон земли, ни какого-нибудь другого имущества и не доказывали тогда, что сторона ребенка воспитавшая, являлась подчиненной, подвластной той, которой ребенок принадлежал» [Шаханов 1991: 166]. Второй аргумент связан с нормами, определяющими «цену крови»

кабардинского князя. Б.А. Шаханов пишет, что тогда как целые роды подвластных кабардинских князей истреблялись в случае убийства одним из их членов кабардинского князя, таубии, убив кабардинского князя, платили за это обычную «кровь» [Шаханов 1991: 166]. Наконец, Б.А. Шаханов исходит из того, что задолго «до утверждения в крае русских существовала граница, между территорией, занятой пятью горскими обществами, и территорией Кабарды» и даже были споры между ними, что плохо вяжется с представлениями о рабстве, «в каком находились тогда будто бы горцы у кабардинских князей» [Шаханов 1991: 167]. Здесь он ссылается на текст так называемой Хуламской плитки, вызвавшей в свое время острую полемику в общественно-научном дискурсе. Эта полемика не входит в предмет нашего исследования. Для наших целей важнее обратить внимание на то, что в концептуальную структуру текста, интерпретирующего историю интер-социальных взаимодействий кабардинских владельцев и балкарских обществ, вводится представление о совокупной территории горских обществ и их общей границе с Кабардой как исторически глубинном явлении. Вскоре после этого М.К. Абаев писал о готовности правительства во второй половине XIX в. признать за горцами «право собственности на всю их территорию» [Абаев 1992: 37].

В целом историко-этнографический материал, используемый М.К. Абаевым и Б.А. Шахановым в обоснование того, что горские общества и их владельцы не находились в отношениях зависимости у кабардинских князей несет дополнительную концептуальную нагрузку, выходящую за пределы сознательно поставленных ими целей. Например, М.К. Абаев передает историю неоднократных попыток кабардинского князя Асланбека Кайтукина покорить Балкарское общество и умелого противостояния ему Балкарского олия (старшего владельца) Сосрана Абаева. Но заканчивается эта история тем, что они заключают между собой союз: Кайтукин предоставил Сосрану право гонять стада Балкарского общества осенью и весной для пастьбы бесплатно на кабардинские земли и ставить «басиат-кош» (лагерь) там, где пожелают таубии, до берегов р. Терек, а Сосран обязался не препятствовать Кайтукину пробираться иногда в соседние общества Безенги и Хулам с целью наживы [Абаев 1992: 17]. То есть столкновения и конфликты оказываются способом установления устойчивого порядка в интер-социальных взаимодействиях. Что касается роли силы и насилия в этом процессе, то интересно здесь также рассмотреть, как представлены функции басиат-кошей. С одной стороны, они устанавливались на территории Кабарды, причем ниже скотоводческих хуторов-кошей для защиты последних от возможных поползновений со стороны Кайтукина. С другой – они служили базой для «путешествий в Чечню, Осетию и др. места за наживой». Но и взаимные отношения горских обществ регулировались сходными механизмами. «Балкарское общество – отмечает М.К. Абаев, – будучи самым большим по количеству жителей и самым сильным благодаря правильному, твердому порядку правления в самом обществе, играло выдающуюся роль» [Абаев 1992: 17]. Эта роль выражалась не только в авторитете местного «Тёре», куда обращались за разрешением более или менее крупных вопросов жители других обществ. Экономические условия,

а именно сравнительная ограниченность «удобной для скотоводства земли», создали в Балкарии «военный дух, и часть населения занималась походами на сторону за наживой». Если отряду молодежи на басиат-кошах «почему-либо не удавалось предпринять поход на южную сторону гор – в Сванетию или Имеретию, то он частенько обижал своих единоплеменников – безенгиевцев, хуламцев и чегемцев, угоняя у них скот». И чтобы спасти себя от нападений балкарцев, «таубии других обществ поспешили сродниться с балкарскими таубиями путем совершения браков, а простые роды тех обществ прибегали под покровительство балкарских таубиев, становясь их эмчеками» [Абаев 1992: 18].

Историко-этнографические аргументы Б.А. Шаханова также свидетельствуют об устойчивых и упорядоченных отношениях верхов кабардинского и горских обществ. Приведенные им материалы говорят о вовлеченности таубиев в межкняжеские конфликты в Кабарде и о наличии нормативно установленной «цены крови», которую платил таубий, в случае убийства кабардинского князя. Здесь выступают и общность политической жизни, и однородность социально-правового порядка, обеспечивавшая социальную сцепку двух обществ.

Заключение

Те или иные формы представления интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, включающие их описание, элементы анализа, объяснения и оценки, перманентно присутствовали в интеллектуальном кавказоведении с конца XVIII и до начала XX в. За это время существенно изменились и контексты и тексты, в которых интерпретировалась соответствующая проблематика.

В конце XVIII – начале XIX в. интерпретация системы интер-социальных взаимодействий в регионе была вписана в общую *просветительско-географическую парадигму* познания Кавказа. На современном языке она может быть выражена следующим образом.

Общие предпосылки высокого удельного веса и значимости интер-социальных взаимодействий в регионе создаются дробностью этно-социального пространства и хозяйственной взаимозависимостью отдельных социально-территориальных единиц, находящихся в различных природно-географических условиях равнинно-предгорной и горной зон.

Сторонами интер-социальных взаимодействий выступают не этнические общности и соответствующие им «провинции», а входящие в их состав более мелкие социально-территориальные единицы – общества и владения.

Естественным основанием для конфигураций, которые принимают интер-социальные взаимодействия, выступают характерные для всех горских обществ силовые практики. Наиболее благоприятно с этой точки зрения положение кабардинских княжеских владений на Центральном Кавказе, контролирующих пастбищные и пахотные ресурсы равнинно-предгорной зоны и имеющих более многочисленное население.

Характер их взаимодействия с другими горскими обществами

определяется социальным «габитусом» кабардинских князей – феодальных владельцев, глубоко убежденных в своем прирожденном особом статусе. Таким образом, на Центральном Кавказе существовала система интер-социальных взаимодействий, построенная на отношениях зависимости горских социально-территориальных образований от кабардинских князей.

Перспектива освобождения горских обществ от этой зависимости связана с установлением российского контроля в регионе. Горцы стремятся под покровительство России, а кабардинские владельцы всячески этому препятствуют, не желая отказаться от своей свободы и своих прав на окрестные «народы».

Установка на географическое описание Кавказа с просветительских позиций и основные элементы, сформированной в ее контексте концепции интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе сохранили свое влияние в российском кавказоведении практически до конца имперской эпохи. Но меняющиеся условия и запросы военной и административной политики государства влияли на его целевые ориентиры и подходы. Наряду с географией Кавказа военных авторов первой половины XIX в. все больше интересует этнография народов региона. Сложилась своего рода *политико-этнографическая парадигма* кавказоведческих штудий, представленная обширной литературой.

Проблематика интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе занимает в ней достаточно скромное место, но некоторые элементы их концептуализации получают в ней более развернутую проработку. Прежде всего, это относится к характеристике военно-феодальных социальных практик княжеского сословия Кабарды.

Учрежденная в ней феодальная иерархия сочетается с княжеским своеволием и постоянным их соперничеством. Это сочетание лежит в основе традиционного социально-политического порядка в Кабарде и во многом объясняет содержание и формы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Личный престиж того или другого князя определяется его храбростью, а политическое влияние обеспечивается его силой, определяемой количеством вассалов и подвластного населения. Отсюда – необходимость постоянной военной активности князей в целях наращивания своей силы и влияния. Их военно-феодальные практики строятся на сугубо социальной, а не этнической мотивации, и среди тех, кто претерпевает притеснения со стороны князей Большой Кабарды, называется, прежде всего, Малая Кабарда. Иерархические моменты интер-социальных взаимодействий поддерживаются социально-психологическими и социокультурными проекциями феодально-аристократического социального порядка. Аристократия является носителем социальных моделей поведения, воспринимаемых в качестве образцов другими слоями и группами населения. А ряд традиционных установлений и обычаев упорядочивают интер-социальные взаимодействия.

Этнографический «поворот» в концептуализации интер-социальных взаимодействий задавался не только вниманием к их социокультурным

аспектам, но и сдвигом в сторону оперирования укрупненными этнонимическими категориями. В условиях, когда Кавказская укрепленная линия стала главным структурирующим элементом политической географии Северного Кавказа, отношения с теми или иными «залинейными народами» оказывались важнее, чем детали интер-социальных взаимодействий в «туземной» среде. В трудах представителей политико-этнографической школы слово «народы» стало наиболее часто употребляемым для обозначения объекта своего познавательного интереса.

Определенное расхождение между преимущественно социальной и социокультурной интерпретацией интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе и преимущественно этнической экспозицией социального пространства региона в общем концептуальном наследии политико-этнографической школы приобрело более выраженное значение на следующем этапе становления российского кавказоведения.

Социальное содержание взаимодействий различных этно-социотерриториальных единиц в пространстве Центрального Кавказа стало предметом преимущественного интереса академического российского кавказоведения, сконцентрированного на изучении социальной структуры и обычного права обществ Северного Кавказа. В рамках *социоисторического подхода*, ведущим представителем которого в кавказоведении был М.М. Ковалевский, переформулируются и заново ставятся традиционные вопросы. Проблематика интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе включается в контекст вопросов социальной эволюции в целом и процессов феодализации, в частности. Ценность кавказского материала М.М. Ковалевский видел в том, что процесс феодализации у разных народностей Кавказа достиг разных ступеней развития. Различая в социально-правовом укладе современных ему горских народов Кавказа эндогенные для них «народные элементы» и результаты экзогенных «культурных влияний», важное место среди последних он отводил влиянию сословного строя кабардинцев на эволюцию социальных порядков у осетин и балкарцев.

Для *правительственного направления* в пореформенном кавказоведении одной из серьезных трудностей получения ясного представления о сословной структуре отдельных обществ и характера их взаимных отношений было то, что приходилось реконструировать социальные порядки во многом уже оставшиеся в прошлом. Но результаты такой реконструкции ложились в основу проектов решения актуальных вопросов земельных и сословных отношений в горских обществах. «Свод исследований» Терско-Кубанской сословно-поземельной комиссии подводил к выводу о том, что «в прошлой жизни многих туземных племен Северного Кавказа» доминировало княжеское сословие Кабарды, и его статус был принят комиссией как критерий определения статуса привилегированных сословий других горских обществ. Отдельные авторы, как, например, Н.П. Тульчинский, солидаризировались с выводами комиссии и мнением М.М. Ковалевского о влиянии аристократических порядков в Кабарде на общественный быт горцев,

но не усматривали наличия феодальной земельной собственности ни у кабардинских князей, ни у балкарских таубиев.

Однако выводы комиссии стали предметом критического анализа со стороны ряда *представителей горских этнических элит*. Они доказывали, что степень влияния кабардинских князей на горские общества и их привилегированные сословия в оценках комиссии сильно преувеличена; что в прошлом притязания кабардинских князей установить свое господство имели место, но горские общества в целом отстаивали свою независимость; что сословный и поземельный строй этих обществ сложился в результате внутреннего развития в определенных природных условиях; что политика государства по отношению к этим обществам должна строиться на понимании реальной структуры поземельных и сословных отношений и их потребностей в земельных ресурсах для поддержания достойного существования в условиях роста населения. Воспроизводство в общественном дискурсе начала XX в. положений о господствующем положении на Центральном Кавказе кабардинских князей теперь воспринимается сквозь призму национальных, а не только сословных интересов, и в представлении системы интер-социальных взаимодействий усиливаются элементы этнополитической мотивации.

В целом, очевидно, что главные факторы эволюции способов интерпретации исторического опыта интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в общественно-научном дискурсе конца XVIII – начала XX в. связаны не с приращением источниковых знаний, а со сдвигами в общественно-политических запросах и сменой доминантных социально-культурных типов субъектов познавательной деятельности. В конце XVIII в. просвещенная имперская власть нуждалась в достаточно полных и объективных знаниях о новой «стране», которая в перспективе могла стать частью империи, и получала эти знания от «академиков». В первой половине XIX в., располагая международным признанием своего суверенитета над Центральным Кавказом, государство искало эффективные пути достижения покорности его населения. На первый план в его этнографическом изучении, в социокультурном «портретировании» народов региона вышли военные интеллектуалы – этнографы и историки. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. усложнились и задачи государственной политики на Северном Кавказе, и состав активных общественных сил, вовлеченных в их решение. Соответственно этому усложнилась концептуальная структура представления системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, и произошло определенное обособление собственно научного и социально-ориентированного типов исторического знания. В этом усматриваются признаки завершения процесса становления историографической традиции применительно к нашей проблеме и изучение дальнейшего ее развития возможно уже на основе собственно историографических источников.

Рассмотренный в настоящей работе материал позволяет сделать выводы, существенные для современной историографической ситуации.

Во-первых, он лишней раз напоминает о важности историографической и методологической рефлексии для научно-исторического познания. Она не

сводится к тому, чтобы знать «кто, что, когда и о чем писал». Чтобы историографический материал был в полной мере освоен, он должен быть подвергнут операции «деконструкции», должны быть выявлены его гносеологические, логические, целевые, риторические конструктивные элементы. И одновременно с этим осуществляется саморефлексия и экспликация собственных познавательных и социальных установок историка, чтобы возможна была рациональная научная дискуссия по изучаемой проблеме.

Во-вторых, в качестве фундаментальной для исторического изучения традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе выступает проблема совмещения категориального аппарата социоисторического и этноисторического подходов к проблеме. В общем плане представляется, что этническая и этнополитическая понятийная сетка является «плоской» и не позволяет охватить «объемную» структуру социальных, хозяйственных, политических и социокультурных факторов и форм интер-социальных связей в регионе. Здесь требуется дальнейший методологический анализ.

В-третьих, есть проблема обобщения совокупности исторических данных о системе интер-социальных взаимосвязей в пределах регионального и даже локального этно-социального пространства, равно как об их воспроизводстве и эволюции во времени. Представляется, что любая однозначная формула здесь будет нести элементы упрощения и субъективности. Это вопрос также требует тщательной проработки на теоретико-методологическом уровне.

Дальнейшая проверка обозначенных суждений возможна на материале профессионального (научного) историописания XX – начала XXI в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1992 – *Абаев М.К.* Балкария: Исторический очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 40 с.

Бларамберг 1999 – *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Каказа. – Нальчик: Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. – 405 с.

Бобровников 2002 – *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.: Восточная литература, 2002. – 368 с.

Броневский 1823а – *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Ч. 1. – М.: В тип. С. Селивановского, 1823. – XXXI, 352 с.

Броневский 1823б – *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Ч. 2. – М.: В тип. С. Селивановского, 1823. – IX, 465 с.

Гильденштедт 2002 – *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. – СПб. Петербургское Востоковедение. 2002. – 512 с.

Грабовский 1876 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ея за независимость (исторический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1876. – Выпуск IX. – С. 112-212.

- Документы... 1959 – *Документы* по истории Балкарии 40-90-х гг. XIX в. / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Каб-Балк. кн. изд-во, 1959. – 262 с.
- Извлечение... 1812 – *Извлечение* из Путешествия г-на Клапрота к горам Кавказским // Вестник Европы. – 1812. – Часть LXIV. – № 13. – С. 15-43.
- Кипкеева 2006 – *Кипкеева З.Б.* Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). – М.: Изд-во Ипполитова, 2006. – 360 с.
- Клапрот 1974 – *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов (далее: АБКИЕА). – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 235-280.
- Ковалевский 1883 – *Ковалевский М.М.* Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. – 1883. – Кн. XII. – С. 137-154.
- Ковалевский 1890 – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе: в 2-х т. Т. 1. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1890. – 303 с.
- Кожев 2016 – *Кожев З.А.* Социально-политическое и этнокультурное пространство Черкесии (XVI – нач. XIX в.): принципы самоорганизации. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 172 с.
- Колесникова 2011 – *Колесникова М.Е.* Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века: 2-е изд., доп. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 496 с.
- Колесникова 2012 – *Колесникова М.Е.* Историографические источники по истории изучения Северного Кавказа во второй половине XVIII – начале XX в. [Электронный ресурс] // Сайт Научно-педагогической школы источниковедения «Источниковедение.ru» URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_kolesnikova/15-1-0-123 (дата обращения 10.05.2020).
- Кудашев 1913 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе [К 300-летию дома Романовых / Изд. В.Н. Кудашева]. – Киев: Типо-лит. «С.В. Кульженко», 1913. – XVI, 283 с.
- Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Предисловие // Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. – Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. – С. 1-81.
- Маловичко, Румянцева 2013 – *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография. – Орехово-Зуево: изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.
- Муратова 2016 – *Муратова Е.Г.* Материалы Абрамовской комиссии и Басият Шаханов: спор о земле в начале XX века // Региональная история: методология, источники, историография: Сборник научных трудов третьих международных Усмановских чтений / Науч. ред. Д.П. Самородов; М.Н. Фархшатов. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2016. – С.66-69.
- Ногмов 1861 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым / Примеч. и прил. Ад. Берже. – Тифлис: Тип. гл. упр. наместника кавказского, 1861. – 176, V с.
- О правах... 2003 – *О правах* высших горских сословий в Кубанской и Терской областях // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793-1897 гг. Том I. / Составители: Х.М. Думанов и другие. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. – С. 73-247.
- Осетины глазами... 1967 – *Осетины глазами* русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.) / Сост. Б.А. Калоев. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. – 319 с.
- Потоцкий 1974 – *Потоцкий Я.* Путешествия по Астраханским степям и по Кавказу // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 225-234.

Привилегированные сословия... 1870 – *Привилегированные сословия* кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. – Выпуск III. – С. 1-12 [89-100].

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

Рейнеггс 1974 – *Рейнеггс Я.* Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 209-213.

Сталь 2001 – *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2-х т. Т. 1. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – С. 187-278.

Труды... 1908 – *Труды* комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Электротпечатня Н.К. Григорьева, 1908. – 372 с.

Тульчинский 1903 – *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды. I. Этнографически-экономический очерк // Терский сборник. – Владикавказ: Типография Терского Областного правления, 1903. – Вып. 5. – С. 152-216.

Хан-Гирей 2008 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г»; Издательский центр «Эль-Фа», 2008. – 363 с.

Цаликов 1882 – *Цаликов Д.* Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей, учрежденная 1869 года в г. Владикавказе / [Полк. Д. Цаликов]. – Каменец-Подольск: «Русская типография» М. Гликина, 1882. – 26 с. // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина: сайт. URL: <https://www.prlib.ru/item/337094> (дата обращения: 21.06.2020).

Шаханов 1991 – *Шаханов Б.А.* Избранная публицистика / Предисл., сост. и коммент. Т.Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 287 с.

Pallas 1799 – *Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Band 1. – Leipzig: Gottfried Martini, 1799. – XXXII, 516 s.

REFERENCES

АБАЕВ М.К. *Balkariya: Istoricheskii ocherk* [Balkariya. Outline of history]. – Nalchik: El'brus, 1992. – 40 p. (In Russian)

BLARAMBERG I. *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kakaza* [Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1999. – 405 p. (In Russian)

BOBROVNIKOV V.O. *Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychai, pravo, nasilie: Ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana* [Muslims of the North Caucasus: Custom, Law, Violence: Essays on the History and Ethnography of the Law of Highland Dagestan]. – М.: Vostochnaya literatura, 2002. – 368 p. (In Russian)

BRONEVSKY S.M. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze, sobrannye i popolnennye Semenom Bronevskim. Ch. 1* [The latest geographical and historical information about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky: in 2 parts. Part 1]. – М.: V tip. S. Selivanovskogo, 1823. – XXXI, 352 p. (In Russian)

BRONEVSKY S.M. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze, sobrannye i popolnennye Semenom Bronevskim. Ch. 2* [The latest geographical and historical information about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky: in 2 parts. Part 2]. – М.: V tip. S. Selivanovskogo, 1823. – IX, 465 p. (In Russian)

Dokumenty po istorii Balkarii 40-90-kh gg. XIX v. / Sost. E.O. Krikunova [Documents on the history of Balkaria 40-90-ies of the 19th century. Comp. E.O. Krikunova]. – Nalchik: Kab-Balk. kn. izd-vo, 1959. – 262 p. (In Russian)

GRABOVSKY N.F. *Prisoedinenie k Rossii Kabardy i bor'ba eya za nezavisimost' (istoricheskii ocherk)* [Russia's accession to Kabarda and its struggle for independence (historical

sketch)]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of reports on Caucasian mountaineers]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1876. – Iss. IX. – P. 112-212. (In Russian)

GÜLDENSTÄDT J.A. *Puteshestvie po Kavkazu v 1770-1773 gg.* [Journey to the Caucasus in 1770-1773 years]. – SPb. Peterburgskoe Vostokovedenie. 2002. – 512 p. (In Russian)

Izvlechenie iz Puteshestviya g-na Klaprota k goram Kavkazskim [Extract from the Journey of Mr. Klaproth to the Caucasus Mountains]. IN: *Vestnik Evropy.* – 1812. – Part LXIV. – No. 13. – P. 15-43. (In Russian)

KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkessii* [Notes on Circassia]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2008. – 363 p. (In Russian)

KIPKEEVA Z.B. *Narody Severo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kavkaza: migratsii i rasselenie (60-e gody XVIII v. – 60-e gody XIX v.)* [Peoples of the Northwest and Central Caucasus: Migration and Settlement (60s of the 18th century – 60s of the 19th century)]. – M.: Izd-vo Ippolitova, 2006. – 360 p. (In Russian)

KLAPROTH H.-J. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Journey to the Caucasus and Georgia in 1807-1808]. IN: *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. (ABKIEA) / Sost. V.K. Gardanov* [Adyghes, Balkars and Karachays in the reports of European authors of the 13th – 19th centuries (ABKREA). Ed. by V.K. Gardanov]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 235-280. (In Russian)

KOLESNIKOVA M.E. *Istoriograficheskie istochniki po istorii izucheniya Severnogo Kavkaza vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX v.* [Historiographic sources on the history of the study of the North Caucasus in the second half of the XVIII – beginning of XX centuries]. IN: The site of the Scientific-Pedagogical School of Source Studies «Istochnikovedenie.ru» URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_kolesnikova/15-1-0-123 (date of access: 10.05.2020). (In Russian)

KOLESNIKOVA M.E. *Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka* [North Caucasian historiographic tradition: second half of the 18th – early 20th centuries]. – Stavropol': Izd-vo SGU, 2011. – 496 p. (In Russian)

KOVALEVSKY M.M. *Pozemel'nye i soslovnnye otnosheniya u gortsev Severnogo Kavkaza* [Land and estate relations among the mountaineers of the North Caucasus]. IN: *Russkaya mysl'*. – 1883. – Book XII. – P. 137-154. (In Russian)

KOVALEVSKY M.M. *Zakon i obychai na Kavkaze: v 2-kh t. T. 1* [Law and custom in the Caucasus: in 2 vols. Vol. 1]. – M.: Tip. A.I. Mamontova i Ko, 1890. – 303 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Sotsial'no-politicheskoe i etnokul'turnoe prostranstvo Cherkessii (XVI – nach. XIX v.): printsipy samoorganizatsii* [Socio-political and ethnocultural space of Circassia (XVI – early XIX century): principles of self-organization]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2016. – 172 p. (In Russian)

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode (K 300-letiyu doma Romanovykh / Izd. V.N. Kudasheva)* [Historical evidence about the Kabardian people (On the 300th anniversary of the Romanov dynasty. Ed. V.N. Kudashev)]. – Kiev: Tipo-lit. «S.V. Kul'zhenko», 1913. – XVI, 283 p. (In Russian)

LEONTOVICH F.I. *Predislovie* [Preface]. IN: LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vyp. 1* [Adats of the Caucasian Mountaineers: Materials on Customary Law of the North and East Caucasus. Iss. 1]. – Odessa: tip. P.A. Zelenogo (b. G. Ul'rikha), 1882. – P. 1-81. (In Russian)

MALOVICHKO S.I., RUMYANTSEVA M.F. *Istoriya kak strogaya nauka vs sotsial'no orientirovannoe istoriopisanie: monografiya* [History as a strict science vs socially oriented historiography: a monograph]. – Orekhovo-Zuevo: izd-vo MGOGI, 2013. – 252 p. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Materialy Abramovskoi komissii i Basiyat Shakhanov: spor o zemle v nachale XX veka* [Materials of the Abramov Commission and Basiyat Shakhanov: a dispute over land at the beginning of the 20th century]. IN: *Regional'naya istoriya: metodologiya, istochniki,*

istoriografiya: Sbornik nauchnykh trudov tret'ikh mezhdunarodnykh Usmanovskikh chtenii / Nauch. red. D.P. Samorodov; M.N. Farkhshatov [Regional history: methodology, sources, historiography: Collection of scientific works of the third international Usman readings. Scientific ed. D.P. Samorodov; M.N. Farkhshatov]. – Sterlitamak: Sterlitamakskii filial BashGU, 2016. – P. 66-69. (In Russian)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adycheiskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardintsev Shora-Bekmurzin-Nogmovym / Primech. i pril. Ad. Berzhe* [The history of the Adyghe people, compiled according to the legends of the Kabardinians by Shora-Bekmurzin-Nogmov. Notes and supplements by Ad. Berge]. – Tiflis: Tip. gl. upr. namestnika kavkazskogo, 1861. – 176, V p. (In Russian)

O pravakh vysshikh gorskikh soslovii v Kubanskoi i Terskoi oblastiakh [On the Rights of the highest mountain estates in the Kuban and Terek regions]. IN: *Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza. 1793-1897 gg. Tom I / Sostaviteli: Kh.M. Dumanov i drugie* [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus. 1793-1897 Volume I. Compiled by H.M. Dumanov and others]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2003. – P. 73-247. (In Russian)

Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov (XIII-XIX vv.) / Sost. B.A. Kaloev [Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers (XIII-XIX centuries). Comp. B.A. Kaloev]. – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe kn. izd-vo, 1967. – 319 p. (In Russian)

PALLAS P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Band 1.* – Leipzig: Gottfried Martini, 1799. – XXXII, 516 s. (In German)

POTOCKI J. *Puteshestiya po Astrakhanskim stepyam i po Kavkazu* [Travels in the Astrakhan steppes and the Caucasus]. IN: *ABKIEA [ABKREA]*. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 225-234. (In Russian)

Privilegirovannye sosloviya kabardinskogo okruga [Privileged estates of the Kabardian district]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of reports on Caucasian mountaineers]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1870 – Iss. III. – P. 1-12 [89-100]. (In Russian)

REINEGGS J. *Vseobshchee istoriko-topograficheskoe opisanie Kavkaza* [General historical and topographical description of the Caucasus]. IN: *ABKIEA [ABKREA]*. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 209-213. (In Russian)

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive] (In Russian)

SHAKHANOV B.A. *Izbrannaya publitsistika / Predisl., sost. i komment. T.Sh. Bittirovoi* [Selected Works in Social and Political Journalism. Preface, comp. and comment. T.Sh. Bittirova]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 287 p. (In Russian)

STAL' K.F. *Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda* [Ethnographic sketch of the Circassian people]. IN: *Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza: v 2-kh t. T. 1* [Russian authors of the 19th century on the peoples of the Central and North-West Caucasus: in 2 volumes Vol. 1]. – Nalchik: El'-Fa, 2001. – P. 187-278. (In Russian)

Trudy komissii po issledovaniyu sovremennogo polozheniya zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya v Nagornoj polose Terskoi oblasti [Proceedings of the commission for the study of the current situation of land ownership and land use in the Highland strip of the Terek region]. – Vladikavkaz: Elektropечатnya N.K. Grigor'eva, 1908. – 372 p. (In Russian)

TSALIKOV D. *Komissiya dlya razbora soslovnnykh prav gortsev Kubanskoi i Terskoi oblasti, uchrezhdennaya 1869 goda v g. Vladikavkaze / (Polk. D. Tsalikov)* [The commission for the analysis of the estate rights of the mountaineers of the Kuban and Terek regions, established in 1869 in the city of Vladikavkaz / (Colonel D. Tsalikov)]. – Kamenets-Podol'sk: «Russkaya tipografiya» M. Glikina, 1882. – 26 p. IN: *Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. El'tsina: site* [Presidential Library named after B.N. Yeltsin: website]. URL: <https://www.prilib.ru/item/337094> (date of access: 21.06.2020). (In Russian)

TULCHINSKY N.P. *Pyat' gorskikh obshchestv Kabardy. I. Etnograficheski-ekonomicheskii ocherk* [Five mountain societies of Kabarda. I. Ethnographic and economic overview]. IN: *Terskii sbornik*. – Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo Oblastnogo pravleniya, 1903. – Iss. 5. – P. 152-216. (In Russian)